

САРА АДАМ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Я тебя не жду

ИСКУШАЮЩАЯ
ЛЮБОВЬ

18+

Сара Адам
Искушая любовь
Серия «Искушение», книга 2

<https://litres.ru/73832264>

SelfPub; 2026

Аннотация

А если судьба не даёт второго шанса? Полгода назад я сбежала от Джона Грея. Предала мафиози, испугавшись своих чувств и той власти, что он имел надо мной.

Сейчас у меня новая жизнь: стабильная работа и мужчина, готовый положить весь мир к моим ногам. Но иллюзия счастья рушится, когда судьба снова сталкивает нас.

Только теперь у него есть невеста. А я в объятиях другого.

Сможет ли мафиози простить моё предательство? Или его цель разрушить меня?

Содержание

Глава	4
Дисклеймер	5
Плейлист:	6
Глава 1	7
Глава 2	21
Глава 3	35
Глава 4	50
Глава 5	63
Глава 6	76
Глава 7	87
Глава 8	101
Глава 9	112
Глава 10	128
Глава 11	138
Конец ознакомительного фрагмента.	145

Искушая любовь

Глава

Это будут увлекательные эмоциональные качели.

Вы готовы?

Дисклеймер

Дорогие читатели, перед тем как вы погрузитесь в историю Джона и Адалин, хочу предупредить вас, что эта диалогия отличается от других книг цикла. Повествование здесь неспешное, как и развитие событий. Здесь нет стремительной динамики сюжета.

История наполнена драмой, личностными переживаниями и тяжёлыми психологическими травмами главной героини после пережитого насилия. Поэтому прошу вас читать дальше с осторожностью.

Диалогия «Искушая судьбу» и «Искушая любовь» самостоятельна от других книг цикла, и её можно читать отдельно, однако для целостности восприятия истории я советую вам познакомиться с историей брата Адалин – Артёма Князева: «Танец с дьяволом» и «Танец с дьяволом. Расплата».

Надеюсь, история этих непростых ребят найдёт отклик в вашем сердце. Приятного прочтения!

Плейлист:

Billie Eilish – Wildflower

Imagine Dragons – Believer

NF – Got You on My Mind

The Adresov – Расцветай

James Arthur – You

Руки Вверх! & LYRIQ – Я тебя не отдам никому

Chris Grey – Wrong

Акmal' – Ты мне покажи

Mona Songz – Сағынам

Глава 1

Шесть месяцев спустя

Нью – Рошелл

— Нас могут увидеть, — пытаюсь оттолкнуть мужчину, уперевшись рукой в твёрдый пресс.

— Мы одни, Делла, — звучит настойчивый голос над ухом, но я максимально уворачиваюсь, желая избежать тесного прикосновения к коже.

Я стою, зажата между кофейным аппаратом и стеной, оказавшись подловленной за отлыниванием от рабочих обязанностей.

— Ты хочешь, чтобы меня уволили? — произношу немного нервозно, действительно боясь за не особо успешную карьеру и репутацию.

— Заберу тебя в своё отделение, — хмыкает Алекс, двумя пальцами поднимая мой подбородок.

— Я не хочу слышать сплетни и язвительный шёпот за спиной, понимаешь? — стараюсь донести свою мысль, про-

должая отстранять его от себя.

— Хорошо, я понял. Понял, — громко выдохнув, парень отпускает, поднимая ладони вверх в сдающемся жесте, и отступает назад. — Ты права. Это неправильно. Нужно соблюдать этику в стенах больницы.

Чувство вины тут же пускает жар по телу. Какая же я сука. Он ко мне со всей душой, а я носом ворочаю. Будь я на месте Алекса, то давно бы сама себя уже послала на три весёлых буквы.

— Предлагаю поужинать у меня, — сразу же нахожусь, испытывая угрызения совести. — Приготовлю что захочешь. А можем пожарить стейки на заднем дворе. Как тебе?

— Не получится, детка, — покачав головой, доктор Алекс Харрис опирается рукой в стену, снова наклоняясь ближе. — Я сегодня в ночную смену на дежурстве.

— Жаль... — поджав губы, стараюсь не подавать виду, что рада возможности провести вечер в одиночестве. В последнее время Харрис как с цепи сорвался. Хочет проводить вместе двадцать четыре часа в сутки. — Тогда с меня вкусный завтрак?

— Нет, давай посидим где-нибудь на свежем воздухе. Ты у меня такая бледная – из-за нехватки солнца.

Проходящая мимо медсестра из терапевтического отделения бросает многозначительный взгляд.

— Все и так уже догадываются, да? — поджав губы, сверлю удаляющуюся спину брюнетки.

— Раньше тебя не особо волновало чужое мнение на наш счёт. Что изменилось сейчас? — в тоне Алекса слышится плохо скрываемый укор. — Стесняешься меня?

— Нет! — выпаливаю резче положенного, а затем понуро опускаю плечи. Сделав мелкий шаг навстречу, беру своей маленькой – его большую ладошку. — Конечно, нет, глупенький. Просто ты – доктор, а я всего-навсего акушерка. Боюсь, в их глазах я не ровня для тебя.

Полная чушь. Я внушила этот бред нам обоим, каждый раз о нём напоминая и закрепляя легенду. В глубине души – плевать я хотела на чужое мнение и пересуды.

А вот в истинной причине отстранённости на людях – вслух не скажу никогда. Даже если будут пытаться и убивать. И себе признаться тоже не могу...

— У отца день рождения в эту субботу, — начинает он издали, и я заранее догадываюсь, о чём дальше пойдёт речь. — Думаю, это отличный повод познакомить семью со своей любимой женщиной.

— Я... эм... А не рановато ли? — нервный смешок вырывается совсем не вовремя. Мой тон – нервозный и неуместно кокетливый. — Всё-таки «любимая женщина» – это ещё не невеста. А вдруг ты... найдёшь кого-то получше?

Умолкнув, нестерпимо хочется ударить себя по лбу. Несколько раз прокрутив в голове сказанное, я осознаю, как это звучит для Алекса.

Господи, надеюсь, он не воспримет это как намёк на пред-

ложение руки и сердца?

— Я совсем не то имела в виду, — выдохнув, произношу уже гораздо спокойнее.

Мягко улыбнувшись, Алекс приобнимает меня за талию.

— Испугалась знакомства с моей семьёй? — понимающе спрашивает он. — Волноваться – это нормально, детка.

— Вдруг я им не понравлюсь? — закусив губу, справляюсь с волной мелких мурашек, пробежавших по телу.

— Они будут в восторге, — убеждает, а мне остаётся только позавидовать этой тотальной уверенности. — Тем более, я им много рассказывал о тебе. Заочно вы уже знакомы.

Неловко поправив хвост, разглаживаю невидимые складки на медицинской форме и потупляю взгляд. С одной стороны, я понимаю, что рано или поздно эта встреча бы произошла. *У нас ведь всё серьёзно, да?*

Ответить Алексу согласием или отказом не даёт поднимающийся шум голосов и крики.

Оттеснив парня, заглядываю за его широкую спину и вижу, как на этаж выкатывают из лифта каталку с лежащей на ней молодой женщиной. Из головы сразу же вылетают все личные проблемы. Слегка сжав на прощание мужскую руку, иду навстречу коллегам.

— Что у нас? — спрашиваю, подбегая к каталке.

— Тридцать восемь недель, первые роды, — отчеканивает парамедик, перекрикивая шум. — Давление скачет, пульс нестабильный. Сердцебиение плода падает. Возможно, от-

слойка плаценты.

От услышанного внутри всё сжимается. Несмотря на то, что я вижу и принимаю участие в появлении новой жизни ежедневно, каждый раз дыхание всё равно перехватывает.

— Будем кесарить, — решает дежурный врач, подоспевший к нам в коридоре.

Из-за принятого решения мы резко разворачиваем каталку около родильного зала и несёмся по коридору в сторону операционной. Одна из медсестёр уже держит в руке баллон с кислородом. Кто-то кричит в рацию:

— Экстренное кесарево! Готовьте вторую операционную!

Я бегу рядом, придерживая капельницу. Смотря на пациентку, сердце сжимается от её бледного, как простыня, лица. Пухлые губы будущей матери подрагивают, но она даже не кричит – и это пугает сильнее всего.

Двойные двери распахиваются, и мы влетаем в операционную. В одно движение я скидываю халат и натягиваю перчатки, закрывая лицо маской.

— На счёт три, — командует кто-то, и мы перекладываем женщину на хирургический стол. Простыня на ней тут же меняется на стерильную, открывая живот и нижнюю часть грудной клетки.

— Сердце плода почти не прослушивается, — говорю я, глядя на ленту КТГ, когда мы крепим датчики. — Нужно поторопиться.

Времени ставить эпидуральную анестезию нет, поэтому

анестезиолог готовит наркоз. Одна из медсестёр тем временем обрабатывает живот роженицы антисептиком – широкими, быстрыми мазками.

— Скальпель. Разрез по средней линии.

Разрез, второй, третий. В воздухе витает характерный запах металла, крови и стерильных материалов.

Пока каждый занят своим делом, я перемещаюсь к голове пациентки. Мониторы рядом пищат, указывая на работающее сердце женщины с перебоями.

Напряжённая атмосфера вокруг давит. Я столько лет в медицине, но стать холодной и не сопереживающей так и не смогла. Для меня по-прежнему каждая роженица и малыш – как первые.

Это волнение и ощущение того, что ты ответственен за целых две жизни – непередаваемо.

Разве душа может потемнеть, если ты помогаешь появиться на свет крохе? А что может быть лучше и вкуснее молочного запаха младенца? Счастливых глаз матери при виде своего малыша?

— Головка пошла, — слегка нервозно говорит хирург. — Щипцы.

Младенца извлекают быстро. Маленькая синюшная девочка не издаёт ни крика, ни вздоха. Медсестра перерезает пуповину, а я сразу же тянусь за амбу-маской для искусственной вентиляции лёгких. Стоящая рядом реанимационная медсестра, как всегда, на подхвате. Мы с ней хорошо сра-

ботаны и обычно читаем мысли друг друга заранее, предугадывая следующие действия.

Хирурги продолжают зашивать мать, а мы изо всех сил боремся за жизнь ребёнка: укладываем её на подогреваемый столик и начинаем компрессии грудной клетки, продувая лёгкие через специальную маску вручную.

Но сердце малышки не запускается. Никакой реакции. Только тишина и мерный писк аппаратуры.

Минуты тянутся, как вечность...

— Нет сердцебиения. Асистолия, — констатирует неонатолог (*прим. автора: врач-педиатр, специализирующийся на уходе за новорождёнными детьми*), глядя на монитор.

— Продолжаем, — выдыхаю я сквозь стиснутые зубы.

Внутри меня нарастает отчаяние: новорождённой не помогает ни адреналин, ни интубация вместо ручной вентиляции лёгких. Грудная клетка девочки поднимается и опадает, как будто она жива. Но сердцебиения – нет.

— Достаточно, — наконец, тихо произносит неонатолог.

По ощущениям, в палате замирает всё.

— Время смерти новорождённой: шестнадцать сорок две. *«Время смерти новорождённой: шестнадцать сорок две».*

Я молча выпрямляюсь, как натянутая струна. На моих руках умер ребёнок, едва ли успевший родиться. Эта девочка не увидит своих родителей и никогда не вырастет.

Её душа вернулась обратно туда, откуда пришла...

Мы не смогли её спасти.

Я не смогла!..

Лежащая на операционном столе мать ещё не знает, какое горе случилось в их семье. Всю свою жизнь она будет винить нас в том, что мы не смогли спасти её ребёнка.

Но мы пытались... *Пытались...*

Дальнейшая работа идёт по инерции и в гнетущей тишине. Анестезиолог контролирует давление матери, хирург зашивает её послойно. Я убираю инструменты, меняю простыни, отмываю лотки от крови. Всё – на автомате и машинально. Стараюсь не думать. Отключить голову и просто выполнять работу без единой эмоции.

Через полчаса операция заканчивается, я помогаю перевести мать в реанимацию, контролирую показатели, проверяю обезбол и сопровождаю её с анестезиологом. После этого с женщиной остаются другие девчонки-медсёстры: они начнут капать препараты, наблюдать за дыханием и следить, как она выходит из наркоза.

А я, вернувшись в операционную, оформляю документацию и заполняю протокол по неонатальной смертности. Когда вся работа проделана, спрятавшись в туалете, снимаю окровавленный халат, маску и перчатки.

Склонившись над раковиной, я остервенело мою руки, стирая невидимую грязь. Тру ладони до боли, стараясь не смотреть в висящее напротив зеркало.

Не хочу видеть свои глаза. И тщательно подавляемые слёзы тоже. Внутри клокочет обида на несправедливость этого

мира.

Медики – не боги, они не всемогущие. Но всё же...

Вряд ли я перестану корить себя за каждую ушедшую душу.

— Ты в порядке? — спрашивает неожиданно вошедшая коллега, и я вздрагиваю, поняв, что не заперла дверь.

— Делла, ты выложились по полной. Не вини себя, — мягко успокаивает она, понимая, как тяжело пережить смену, когда теряешь ещё не начавшуюся жизнь.

— Всё нормально, — кивнув, выключаю кран с водой и отхожу в сторону. Сейчас не до эмоций, мне необходимо закончить смену. — Спасибо, Мэл.

«Время смерти новорождённой: шестнадцать сорок две» — слова без конца продолжают воспроизводиться эхом в голове, как бы я ни старалась их прогнать.

Всех, кто принимал участие в тяжёлых родах, собирают в комнате отдыха на короткое собрание. Нас подбадривают, говорят шаблонное: «Вы сделали всё, что было в ваших силах». И, как всегда, сообщают, что штатный психолог доступен по внутреннему номеру, если кому-то потребуется помощь.

Не знаю, каким образом я ещё не свихнулась после подобных дней. Ведь каждая мать или ребёнок, которых мы не сумели спасти, откладываются огромными рубцами на сердце.

Из-за длительного перерыва мне было ужасно сложно влиться обратно в коллектив и рабочий график, но иного вы-

хода не было. Я сама решила вернуться.

Оставить Джона и прожитые месяцы на Аляске вместе с ним. Поэтому стиснув зубы – улыбаемся и пашем.

Задумывалась ли я о том, каким чередом пошла бы моя жизнь, прими я предложение Грея? Как жила и чем занималась, если бы не сбежала тогда на рассвете?

Первый месяц я размышляла об этом каждую грёбаную минуту. А потом поняла: нет смысла фантазировать о том, чего никогда не случится.

Выбор сделан, и обратного пути нет.

С тех пор утекло много времени. Даже больше, чем я провела в отцовском доме, вдали от цивилизации. Иногда кажется, что всё это приснилось. Оказалось плодом бурной фантазии – и ничего из этого не происходило.

Я не спасала из комы друга брата. Не проводила рядом с ним дни и ночи, вытаскивая с того света. Не выхаживала, не купала и не кормила.

Не слушала колкие высказывания и не терпела гнусный характер, когда он очнулся.

Не испытывала ранее неизведанных, трепетных чувств в груди и бабочек в животе.

Не хотела быть с кем-то настолько, чтобы пустить его в душу и сердце.

Не бросила его, трусливо сбежав...

Переодевшись в светлые джинсы и тонкую розовую футболку в комнате для персонала, распускаю лохматый хвост.

Как попало причесавшись, собираю его заново, предварительно попшикав жирные корни сухим шампунем. Не хочется по пути домой пугать прохожих отвратительным внешним видом, поэтому ко всему прочему замазываю синяки под глазами плотным консилером.

Складываю грязную медицинскую форму в специальный мешочек, на выходе из отделения и заношу его в бельевую, бросив в контейнер, который передадут в прачечную.

На этом моя смена заканчивается, и я, не дожидаясь лифта, спускаюсь по лестнице на первый этаж.

Голова раскалывается после тяжёлого дня. Единственное, чего мне хочется, – это тишины и спокойствия в своей маленькой уютной квартирке. Проскакивает даже грешная мысль: хорошо хоть у Алекса ночная смена, и не нужно будет готовить обещанный ужин.

На первом этаже в холле, по обыкновению, стоит гомон. Медицинский персонал, пациенты, посетители около ресепшена – все разговаривают, смешиваясь в единый гул голосов.

Заметив на футболке пятно, я пытаюсь оттереть его ногтем, продолжая неуклюже шагать. Это и становится причиной столкновения с кем-то из посетителей.

— Простите, пожалуйста! — слегка взвизгнув от неожиданности, отскакиваю назад.

— Это вы меня извините, отвлеклась на вывеску, — добродушно улыбается женщина лет пятидесяти. Поправив очки на носу, она кивает и уходит в противоположную сторону.

А вот я продолжить путь уже не в состоянии. Подняв голову, мой взгляд цепляется за высокую мужскую фигуру.

Сердце пропускает волнительный удар при виде широких плеч и знакомой стрижки, слегка волнистых волос. Мужчина стоит ко мне спиной, разговаривая по телефону, но эта характерная жестикуляция руками...

Всё тело мгновенно бросает в жар. Сжав дрожащие ладони в кулаки, я тяжело дышу, разглядывая его. В ушах – гул. Мучительно долгие секунды я не могу понять, что мне делать дальше.

Бежать прочь? Или подойти?

Весь мир и проблемы меркнут на фоне мысли: *он* приехал. Зачем? Что он здесь делает? С какой целью объявился спустя столько месяцев?

Сквозь туман в голове я делаю нетвёрдый шаг. Следом – ещё один и ещё, пока не перехожу на полубег, лавируя между незнакомыми людьми.

Мне хочется крикнуть родное имя. Позвать, заставить обернуться и посмотреть на меня. Ощутить на себе этот взгляд голубых глаз, пускающих мурашки по коже.

Я не знаю, о чём мы будем говорить, но внутри – ни капли волнения. С этим человеком комфортно даже молчать.

С бешено разгоняющимся по крови адреналином, воодушевлённая и одновременно напуганная происходящим, я практически подлетаю к стоящему спиной.

Когда между нами остаётся буквально несколько шагов,

мужчина оборачивается – видимо, увидев меня в отражении стекла, около которого стоял.

А я торможу, словно вкопанная, подавив волну негодования.

— Вы в порядке, мисс?... — звучит нескрываемое удивление в грубом голосе. Выгнув густую бровь, парень оглядывает меня с головы до ног.

— Я... Кажется, обозналась, — тяжело сглотнув, мямлю, сконфуженная этим актом позора. — Прошу прощения...

Больше ничего не добавляя, я отшагиваю назад, а затем разворачиваюсь и с позором пулей вылетаю из здания.

Не он.

Это не он.

Не Джон...

Всё внутри сжимается от тупой боли. Я едва сдерживаюсь, чтобы не схватиться за грудь – как будто кто-то кулаком в неё ударил, выбив весь воздух.

Он не придёт, Делла.

Не назовёт тебя Адой и Красивой. Всё в прошлом, — шепчет раздавленная часть души, еле сдерживая слёзы.

Я его не жду! — шиплю во внутреннем диалоге, стиснув зубы.

Не жду.

Я. Тебя. Не. Жду!

Именно поэтому ты ищешь его лицо в прохожих, Адалин?
Вздрагиваешь от каждого звонка в дверь?

Покрываешься мурашками, увидев похожую фигуру в толпе?

Без конца гуглишь Джона Грея, но, кроме старых новостей о его смерти, расстраиваешься, не находя ничего нового?

Поэтому сейчас позорно бежала навстречу незнакомцу, подумав, что это *он*?

Дорога до дома пролетает незаметно. Я сама не понимаю, как преодолеваю несколько кварталов – не попав под колёса машины или не провалившись в открытый колодец.

Всю дорогу я не могу думать ни о чём, кроме наглого мафиози, который уже полгода отказывается вылезать из головы.

Оказавшись в подъезде, взлетаю по лестнице на второй этаж, игнорируя хроническую боль в бедре. Войдя в квартиру, наглухо запираю дверь на замок и, прижавшись к ней спиной, опускаюсь на пол, устав сдерживать рвущиеся наружу рыдания.

Глава 2

Тёплые лучи солнца пробиваются сквозь неплотно задёрнутые шторы. Потолочный вентилятор лениво вращает лопасти, создавая иллюзию прохлады.

Несмотря на раннее утро, в квартире уже стоит духота. Я люблю лето с умеренной погодой, но слишком сильную жару не переношу. Терпеть не могу липкое ощущение пота на коже. Если бы могла – не вылезала бы из душа сутки напролёт.

Отбросив прилипшую к шее прядь волос, переворачиваюсь на другой бок, рассматривая дерево фикуса, стоящего на полу. Его красивые, сочные листья, кокетливо раскинувшиеся по разные стороны, будто весело подмигивают мне.

Не скажу, что фанатка цветов, но, вернувшись домой с Аляски, поняла, как жутко скучала по своим растениям. И я безумно рада, что, благодаря Алексу, заботливо ухаживавшему за ними, мои малютки не погибли.

Помню, когда приехала в Нью-Рошелл, на душе творился непередаваемый, неопишуемый раздрай. Я не знала, что делать и куда себя засунуть, лишь бы избавиться от ноющего чувства в груди.

Я думала, что всё сделала правильно. Так и должно было случиться. Джон выздоровел, и моя миссия завершена. А та ночь... это просто ошибка. Не стоило привязываться, рас-

крывать душу и допускать нечто большее.

Считала: чем дальше окажусь от Грея, тем проще будет забыть все прожитые совместные моменты. Всё-таки, находясь в замкнутом пространстве с одним-единственным человеком, хочешь ты или нет – впускаешь его на свою территорию. Мы сблизились только по этой причине. Вокруг не было других людей, и у нас не оказалось иного выбора.

Я находила тысячу отмазок и причин, внушая себе, что приняла рациональное, обдуманное решение. Но почему-то, когда угоняла отцовский «Раптор», как в старые добрые времена, когда мчалась в аэропорт Фэрбенкса и ждала рейс до Нью-Йорка, а потом – когда летела, моя душа горела.

Я уговаривала себя, что смогу забыть и отпустить. Вернуться к прежней жизни, к Алексу. Стоит только переступить порог дома – и все месяцы вдали от цивилизации забудутся.

Глупая, наивная Адалин...

Первые трое суток дома стали сущим кошмаром. Заперевшись в квартире, я без конца лежала и рыдала. Практически не ела и не могла нормально спать – душили кошмары. Стоило закрыть глаза – и тут же мерещились звонки на телефон и стук в дверь.

А ещё голос... Низкий, дерзкий, хриловатый... Сводящий с ума.

Такой, от которого внутри всё дрожит...

Воспалённый мозг рисовал картины, что Джон приехал.

Не смирился с моим побегом и решил вернуть. Что слова, сказанные в порыве нежности, после близости – не были пустышкой, а стали реальным, серьёзным намерением построить совместное будущее.

Да, я хотела этого. Инстинктивно и подсознательно ждала его.

До сих пор жду...

Но, как видите, Грей принял мой поступок с гордым достоинством. Значит, не особо и хотел, чтобы мы остались на Аляске вместе. Так, ляпнул – не подумав. Возможно, мой отъезд наоборот стал для Джона облегчением.

Со временем боль в груди немного поутихла. Я позволила себе двигаться дальше, но вчерашняя ситуация в больнице, где я приняла незнакомца за Джона, всколыхнула притупившиеся чувства.

Интересно, до встречи с Греем я считала себя холодной глыбой льда. Но он смог незаметно растопить айсберг и обнажить душу. Научил испытывать чувства к мужчине. Не дружеские или приятельские, не платонические, а по-настоящему взрослые. Жаль только, что я поняла это, оказавшись за тысячи километров от него.

Валяющийся на соседней половине кровати мобильник уведомляет о входящем сообщении:

«Доброе утро, принцесса. Заеду через час» — гласит смс от Алекса, со смайликом-сердечком в конце.

«Привет. Окей» — печатаю в ответ без особых эмоций.

А ещё я наконец-то смогла мысленно признаться, что не испытываю к Алексу того самого.

Мне стыдно, честно.

Искренне.

Но я ничего не могу с собой поделать, как бы сильно ни пыталась разжечь огонёк в груди. Несомненно, я люблю его, но совсем не так. К доктору Харрису у меня тёплые, нежные чувства и огромная благодарность. Алекс – как тихая гавань среди кошмара, творящегося вокруг.

«Надеюсь, я не разбудил тебя, детка» — похоже, он намерен пообщаться и продолжает слать смс.

«Нет, я проснулась полчаса назад. Буду собираться» — отправляю с лёгким намёком, что не намерена продолжать переписку.

Иногда возникает мысль прекратить это всё. Перестать мучить его и себя тоже. Алекс достоин лучшей женщины, которая не допустит мыслей о другом мужчине.

Раньше я бы непременно поинтересовалась, как наш доктор чувствует себя после ночной смены. Уточнила бы, может, он хочет поехать отдыхать, а не тратить на меня время.

Сейчас такого желания нет.

Весь мир вокруг серый и пресный. Я как будто потеряла вкус жизни. Просто существую – ибо некуда деться. Если зимой, несмотря на моё нытьё и желание вернуться в Нью-Рошелл, небо было голубым, снег – ослепительно белым, а солнце – сочным и жёлтым, то теперь они лишены ярких кра-

сок.

Я устала ругать себя и корить за вечное недовольство, но ничего поделывать не могу.

Идея взять отпуск и передохнуть уже не кажется чем-то из разряда нереального. За время пребывания на Аляске меня не то что не уволили из больницы – наоборот, подняли зарплату и стабильно переводили деньги, как и положено.

Думаю, даже не стоит объяснять, чьих рук это дело. Вы, наверняка, сами догадались.

Да-да.

Артём. Дьявол. Князев.

На моём счету скопилась приличненькая сумма, и я могу позволить себе съездить в тёплые страны и погреться на пляже – благодаря старшему брату.

Кстати, о нём...

Не успела я выйти на работу полгода назад, как меня вызвали на пост охраны – мол, кто-то требует встречи. Конечно же, окрылённая, я обрадовалась, что это Джон. Но незваным гостем оказался Арт.

На самом деле, меня приятно удивил факт, что Князев не разнёс всех вокруг и не ворвался в родильное отделение на мои поиски, а цивилизно пригласил вниз. То ли семейная жизнь идёт ему на пользу, то ли брат с годами стал адекватнее.

Шесть месяцев назад

— Что ты здесь делаешь? — остановившись в нескольких шагах от Артёма, с нескрываемым подозрением осматриваю его с головы до ног.

От Князевых стоит ждать только беды. С хорошими вещами члены этой семейки не заявляются – тем более без спроса и приглашения.

Брат стоит в холле больницы, совершенно не вписываясь в местные пейзажи. И как бы сильно я его ни ненавидела, не могу не заметить – выглядит Арт восхитительно.

После нашей крайней встречи родственничек заметно подкачался, стал ещё шире. Одетый с иголочки, Тёма создаёт впечатление, что он либо спортсмен, либо простой богатый мажорчик, отлично следящий за собой. Со стороны – в жизни бы не подумала, что этот тип глава нью-йоркской мафии. Убийца и головорез. А ещё – будущий молодой папочка.

— Что-то случилось? С Сарой? — от проскочившей мысли, что беременная сноха может оказаться в опасности или тяжёлом состоянии, сердце пропускает волнительный удар. — У тебя язык, что ли, отсох?! Чего ты молчишь?

Сама не понимаю, как перехожу на родной русский язык. Артём тоже стоит, без стеснения меня разглядывая. Словно пытается уличить какие-то изменения или пробраться в го-

лову и мысли.

— Знаешь, чё я делаю с людьми, позволяющими себе разговаривать со мной неподобающим тоном? — наконец, лениво произносит он, слегка наклоняя голову набок.

Раз Князев собрался читать мораль и запугивать – значит, с Сарой всё в порядке. От этого становится немного легче, и я выдыхаю, но лишь на секунду. Вместо этого приходит злость за его несанкционированное вторжение на мою территорию.

— Ой, не знаю, и знать не хочу! — слова вылетают изо рта, как пули из обоймы братца.

Отмахнувшись рукой в такт словам, отворачиваюсь, ловя заинтересованные взгляды компании пожилых дамочек, с упоением рассматривающих Арта. Этот харизматичный засранец пленяет в свои сети даже пенсионерок. Ну и дела.

— Меня мало волнуют твои пафосные речи. Говори, что хотел.

— Думал, в другом месте и на других условиях побазарим, но раз ты предпочла сразу вернуться в свою дыру – я человек не гордый, сам приехал, — наконец выдаёт Артём, смотря прямо в упор.

Господи, какой же самовлюблённый и самоуверенный тип. Так и хочется сказать: спасибо, барин, что удостоили нас своим непрошенным визитом! Ещё и поклон для убедительности отвесить.

— И охрану взять не забыл? — язвительно подмечаю,

слегка сдвинувшись в сторону, чтобы взглянуть на солдат брата. Двое мужчин, стоящих по бокам около стеклянных дверей, внимательно сканируют помещение в поисках опасности, сулящей их хозяину. Небось, вооружены до зубов, хоть под одеждой этого и не видно.

Ей-богу, цирк.

— Делла, — Арт неожиданно умолкает, будто сдерживает себя, чтобы не наговорить лишнего. — Давай ты захлопнешь варешку, и мы нормально, по-человечески поговорим.

— Так поговорим или побазарим? Ты уж определись, а то я запуталась.

— Короче, слушай сюда, малявка, — неожиданно этот начал хватать мой локоть, резко потянув на себя. — Щас ты своими ножками добровольно потопашь, куда я скажу. А потом мы сядем, как старший брат с младшей сестрой, и спокойненько обсудим жизнь.

— Что ты обсуждать собрался? То, как преследовал меня пять лет, а потом насильно запер на Аляске? — задрал голову вверх, чежу сквозь стиснутые зубы.

Я не боюсь Артёма. Точнее, знаю, что он никогда не сможет причинить мне физическую боль. Каким бы агрессивным, неуравновешенным психопатом Арт ни был, бить он меня не станет. Тем более на людях – хоть это и сошло бы ему с рук с вероятностью в девяносто девять и девять десятых процента.

Власть и деньги дарят бесконечную безнаказанность и ве-

ру в себя.

— В твоих интересах не рыпаться, а делать, чё старшие говорят, — видно, братец закипает не на шутку.

Что поделать – привык господин к беспрекословному подчинению. А тут я – озлобленная и обиженная на весь белый свет.

— Никуда я с тобой не пойду! — отдёрнув руку, вырываюсь из крепкого захвата. — Я нахожусь на рабочем месте и не имею права покидать больницу. Хочешь разговора – говори здесь и сейчас.

— Психичка неуравновешенная, — ухмыляется Князев, качнув головой. — Раньше добрее была. Куда дела ту милую девчонку? Где моя Делла?

— Твоей Деллы больше нет. Я её съела, — фыркнув, с усилием подавляю рвущуюся наружу улыбку.

Этот дурак всегда мог заставить смеяться, несмотря на происходящее вокруг. И даже спустя пять лет разлуки, похоже, Артём Князев до сих пор имеет влияние на моё внутреннее я, скрытое за колючей проволокой.

— Пошли, тут есть где посидеть, раз у тебя важный разговор, — указываю в сторону коридора и, не дожидаясь Князева, двигаюсь первой.

Свернув за угол, я оказываюсь в небольшом, но уютном кафетерии. Внутри, как и всегда, стоит запах разогретой еды, автоматы с батончиками, пластиковые столики и парочка уставших медсестёр, пьющих кофе у окна.

Пройдя к дальнему столику у стены, подальше от чужих ушей, отодвигаю стул и сажусь боком к двери.

— Ты смотришься здесь нелепо, — не сдержавшись, констатирую, когда Артём опускается напротив. Его массивная фигура на фоне мизерных дешёвых столов и хлипеньких стульчиков выглядит неуместно — и в какой-то степени смешно.

— Ты тоже, — без капли иронии в голосе произносит Арт, почему-то став серьёзным.

— У меня мало времени, — мне перестаёт нравиться идея сидеть вот так с ним и душевно беседовать. Хочется встать и уйти — этот его тяжёлый взгляд угнетает. — Говори быстрее, что хотел обсудить?

— Почему улетела раньше? Без Грея?

Вопрос застаёт врасплох. Я должна была догадаться, что у Артёма возникнут подозрения или хотя бы интерес узнать причины.

— Надоело там торчать. Раз ты со своей стороны решил, что мы можем возвращаться, я посчитала правильным сделать именно так, — нарочно расслабленно пожимаю плечами, создавая вид, что тема разговора меня совсем не волнует. Однако внутри начинает сосать под ложечкой. — А что? Есть какие-то проблемы?

— Проблем нет, — всё так же серьёзно произносит родственник, сканируя каждый мускул на моём лице. — Не могу никак привыкнуть, что ты во мне не нуждаешься.

Не знаю почему, но от откровения Артёма к горлу подкапывает ком. Он редко ведёт беседы по душам, и каждый раз они бередают душу.

Я нуждалась в тебе, Тём. Очень сильно нуждалась... Но тебя не оказалось рядом. Тогда-то я и поняла, что могу полагаться только на себя.

— Это всё? — мне приходится быстро и часто моргать, лишь бы подступающие к глазам слёзы не вырвались наружу.

— Я обещал тебе кое-что, — подавшись вперёд, Арт кладёт сцепленные в замок руки на стол, от чего мне инстинктивно хочется отпрянуть назад. — Свободу за помощь с Джоном.

— И, конечно же, ты не собираешься сдерживать обещание, — горькая усмешка озаряет моё лицо. — Можешь не утруждаться — и так вижу, что меня продолжают пасти твои псы.

— Сегодня у них последний рабочий день, — проигнорировав мой выпад, спокойно говорит брат.

Последний рабочий день?

— Что?.. — слова застревают в горле. Облизнув пересохшие от волнения губы, я не могу вымолвить ни единого звука. Тупо пялюсь на Князева, умоляя высшие силы, чтобы это не было жестоким розыгрышем.

— Ты свободна, — сквозь гул в ушах долетает спустя долгую минуту молчания.

— Ты издеваешься надо мной, да? — отказываясь верить в услышанное, откидываюсь на спинку стула.

Артём освободил меня от слежки? Позволил жить без его контроля?

— Не думай, что отпущу в свободное плавание. За тобой будут приглядывать, но уже более аккуратно и издалека, — как будто сам с собой разговаривая, произносит Арт. — Мы одна кровь, Адалин. Не могу взять и положить болт на твою жизнь. Я должен быть уверен, что моя сестра в безопасности.

Хочется съязвить, сказать, что я в безопасности, когда его нет рядом, но вместо этого могу лишь выдать жалкое:

— Хорошо.

В голове просто не укладывается, что Артём сдержал слово... Я ведь не верила, что он сделает это. Освободит меня от своих людей.

Я что... действительно останусь одна?..

— Предлагать переехать поближе, в Нью-Йорк, резона нет, полагаю? — Арт недовольно осматривает помещение вокруг нас, словно это место для него — клоповник.

— Ты, как всегда, до жути проницателен, — уголки моих губ слегка ползут вверх в подобии жалкой улыбки.

— Не вижу смысла торчать тут. Хочешь заниматься медициной — могу устроить в любую клинику, просто тыкни в неё пальцем. — После того как смягчил снятием контроля, Князев, похоже, решает завести новую шарманку. — Хочешь вернуться на лёд — устрою. Просто скажи мне это, Ада. Попроси хоть о чём-то — я сделаю.

— Свобода. От тебя мне нужна только свобода, — нерв-

но киваю головой в такт словам. — Спасибо, что выполнил условие сделки.

— Обращайся, — лениво кидает ответку, с самооценкой до небес.

— Артём, — замаявшись, я не знаю, как задать вопрос, возникший в голове. — Ты решил все свои... дела?

У меня были подозрения, что у брата начались серьёзные проблемы, связанные с мафией, после смерти отца. И именно поэтому он маниакально преследовал сбежавшую сестру, опекая её.

Судя по тому, с какой лёгкостью он освобождает меня сейчас, опасности больше нет.

— Всё под контролем. Ты в полной безопасности, — Князев вгрызается в меня слегка удивлённым взглядом, но подтверждает догадку.

Мне хочется поблагодарить брата не на словах, но и обнять его. Как в старые добрые времена – повиснуть на шее старшего брата и знать, что рядом с ним не страшно. Что Тёма всегда подстрахует и подставит надёжное плечо.

Но я не могу перепрыгнуть пропасть, образовавшуюся за годы разлуки. Не могу переступить через обиду, давящую на горло. Не могу, потому что он выбрал долбаный клан и мафию вместо родной сестры, хотя она так сильно в нём нуждалась.

Поднявшись на ноги, с грохотом отодвигаю стул назад.

— Мне нужно вернуться в отделение. Ещё раз спасибо, —

я собираюсь сбежать, как трусливая скотина, лишь бы он не понял и не заметил, какой ураган поднялся в моей душе.

— Есть что-то, что я должен знать? — Артём окликает, когда я, развернувшись, делаю несколько размашистых шагов к выходу.

— Нет, — вру, даже не обернувшись, и выхожу из кафетерия.

Знал бы ты, Артём, что творится с моей жизнью на самом деле...

Глава 3

Наше время

— Хорошее место. Нужно взять его на заметку, — Алекс ласково приобнимает меня за талию, прижимая ближе.

Поправив ремешок сумочки на плече, согласно киваю, выдавив мягкую улыбку.

— Ага, и терраса у них неплохая. Плюс не очень шумно.

Мы выходим из уютной кофейни после завтрака. Как и договаривались, доктор Харрис заехал за мной по окончании рабочей смены и привёз накормить в новое заведение.

— Можем взять десерт домой, если хочешь, — спутник слегка притормаживает и, не глядя, откидывает кулак назад, выставив большой палец, указывая на кафе, что осталось позади. — Мне кажется, ты не наелась.

— Алекс, прекрати меня откармливать, — вздохнув, подоброму корчу недовольную гримасу. — Я скоро в проёмы перестану помещаться.

— Даже в этом случае я не перестану тебя любить, — усмехается, а моя совесть взывает от того, как уверенно он

это сказал.

«Не перестану тебя любить».

Знал бы он, какая я на самом деле дрянь и что творила за его спиной с другим мужчиной...

— Не веришь? — восприняв задумчивое молчание за неверие, Алекс легонько тянет меня, ставя перед собой.

— Верю-верю, — смутившись прилюдному акту нежности, уставляюсь на мужскую грудь, пожалев, что не надела солнцезащитные очки. Так он бы не смог увидеть в моих глазах глубокий стыд.

Мне хочется вырваться из захвата и установить допустимую дистанцию. Алекс сжимает меня слишком крепко, обвивает талию, не оставляя между нами ни малейшего про света.

— Делла, я вижу, как ты отдаляешься в последние месяцы. Мне стоит волноваться о причинах?

— Что за глупости? — проигнорировав нарастающее волнение, придаю себе спокойный вид. — С чего ты это взял?

— Я чувствую, — серьёзно произносит он, немного напрягшись. — Ещё и тот странный случай со звонком перед твоим возвращением.

Речь о разговоре с Джоном. О том вечере, когда Грей без спроса взял мой телефон, а затем мы поссорились и... почти переспали.

— Алекс, я прошу, давай не будем портить это прекрасное утро дурацкими теориями заговора, — простонав, прижи-

маюсь щекой к мужской груди. Для пущей убедительности ещё и пытаюсь обнять, что сделать нелегко из-за его крепкого телосложения. — Я тебе уже объясняла, что это было недоразумение.

Двумя пальцами Алекс мягко поднимает мой подбородок вверх, внимательно заглядывая в глаза. Из-за нервозности я смотрю на него, часто моргая, а после того, как парень наклоняется ниже, ко всему прочему добавляется нехватка кислорода.

Тёплые губы прикасаются к моим мягко, почти невесомо. Они целуют нежно, но в то же время требовательно. Будто их хозяин хочет удостовериться во взаимности чувств. Без понятия, откуда это берётся в моей голове можете называть женской чуйкой. В конце-то концов, Алекс не дурак. Совсем несложно заметить, когда твой любимый человек меняется на глазах, становясь холодным и отстранённым.

Привстав на носочки для большего удобства, кладу ладони на мужские плечи. Тело пробирает дрожь то ли от волнения, то ли от омерзения к самой себе. Отвечая Алексу, я позволяю протолкнуть язык в мой рот, при этом не испытывая ничего, отдалённо напоминающего отклик от ласк Грея.

Изо всех сил я хочу загладить вину перед молодым человеком за то, о чём он даже не подозревает. Пока Алекс работал и ждал меня в Нью-Рошелле, я изменяла ему на Аляске. А сейчас предаю ещё и мысленно, оказавшись не в состоянии отпустить другого мужчину.

Звук входящего звонка мобильного телефона вынуждает доктора медленно и нехотя отстраниться.

— Прости, малыш, — соединив наши лбы на несколько секунд, он убирает руку с талии и достаёт мобильник из кармана брюк. — Это Эндрю. Боюсь, мне стоит ответить.

Эндрю старший брат Алекса. Лично мы не знакомы, но я видела фотографии с его свадьбы и благодаря этому знаю, как выглядят все члены большой и дружной семьи Харрис.

— Конечно, без проблем, — облегчённо выдохнув, делаю шаг назад, как бы позволяя ему заняться своими делами.

Не то чтобы мне было прям совсем противно от прикосновений Алекса. Совершенно нет просто я совсем не ощущаю тот самый пожар в груди.

Да и вообще, целоваться на улице...

Раньше я бы точно медленно умирала изнутри, зная, что за мной следят люди Князева и докладывают боссу о неподобающем поведении его сестры. Сейчас же я полностью свободна и имею право заниматься, чем душа пожелает.

Как и обещал, полгода назад брат отозвал слежку, избавив меня от тотального контроля. И не могу не признать, что я немного оттаяла от того факта, что Артём сдержал данное слово.

Стоя немного поодаль, я испытываю лёгкую зависть, подслушивая личный разговор Алекса. Она прокрадывается в самую душу, пуская внутри яд. Братья обсуждают подарок для отца, возможные варианты, как его преподнести, и все

вот эти приятные хлопоты ко дню рождения их родителя.

Думаю, меня можно посчитать эгоистичной, раз, не выдержав, я решаю отойти в сторонку. Я бы тоже сейчас хотела готовить презент для папы, а не стоять чёрт пойми где.

— Зачётная задница, — звучит приторный тембр над ухом, вырывая из грустных мыслей, и я автоматически разворачиваюсь к его источнику.

Проходящий мимо брюнет лет двадцати, видимо, возмнивший себя пикапером, приостанавливается, пялясь в открытую.

— Что, простите? — не скрывая дрянного настроения, складываю руки на груди.

— И сиськи ничёшные, — расплывается во все тридцать два зуба придурок, проследив взглядом моё движение. — Как насчёт потусить? Оставишь свой номерок?

— Извини, малыш, ты не в моём вкусе, — не выдержав, токсично хмыкаю. — Предпочитаю более зрелых мужчин.

— Да ладно, чего ты ломаешься? — сальный тип, тем временем, не собирается сдаваться, а наоборот напирает, оттесняя меня к стене здания.

Сердце делает волнительный кульбит.

Разумом я понимаю, что ничего плохого не произойдёт, я в безопасности. Не станет же он нападать среди бела дня, прилюдно?

— Какие-то проблемы? — голос Алекса звучит как настоящее облегчение. Шумно выдохнув, мне хочется произнести

на русском классическое: «Слава тебе, Господи», но сдерживаюсь.

Незнакомец тем временем оборачивается, вынужденно отступив в сторону.

— Ты ещё кто такой? — скалится, презрительно оглядывая оппонента.

— Делла, ты в порядке? — Алекс протягивает руку, и я, утвердительно кивнув, с радостью её принимаю, трусливо примкнув к молодому человеку.

— Тёлка твоя, что ли? — не унимается брюнет, явно напрашиваясь.

Почему-то мне кажется, что Алекс ему двинет. Подойдёт, схватит за грудки и размажет по стенке, дав понять, кто тут главный. Покажет, что не стоит приставать к его женщине.

Именно так, как это и представлялось в моей голове: Алекс делает уверенный шаг вперёд, нависая над соплежущим. Но вместо того, чтобы проехать по его роже, мой милый просто произносит нравоучительным тоном:

— Не стоит бросаться неприличными словами в сторону дамы. И вообще, не советую таким образом заводить знакомства.

Что, простите?

Клянусь, в это мгновение я уверена, что моя челюсть свисает к асфальту, ибо я ожидала совершенно иной реакции.

— А ты чё, типа профессионал? — дёргает головой пикапер.

— *Tina* советую тебе взять ручки в ножки и валить отсюда, — уже немного грубее произносит Алекс.

Я разочарованно наблюдаю, как этот парень, который в открытую ко мне клеился, спокойно уходит на своих двух ногах. *Целых, не переломанных ногах!*

Алекс даже не заставил его извиниться!

Не успев до конца восстановиться после комы, Джон пошёл один против четырёх здоровых местных жителей Аляски. На моих глазах он всех их, как говорится, поставил на место: опустил, показал, кто здесь главный, а одному ещё и прострелил колено!

Кладу голову на отсечение, что ни отец, ни Артём, ни Джон не спустили бы с рук подобное поведение по отношению ко мне.

Мурашки пробегают по коже, когда я с ужасом осознаю, что в этой ситуации методы мафии мне кажутся более привычными и... правильными?

Что со мной происходит?

С каких пор нанесение увечий людям стало для меня приемлемым?

— Детка, ты уверена, что в порядке? — Алекс что-то говорит, спрашивает, а я в ответ только киваю, со всем соглашаясь. — Не обращай внимания. Вокруг столько неотёсанного быдла.

Не поднимая на него глаз, я ощущаю жгучий стыд за неподобающие мысли. Неужели все эти годы вдали от мафии и

кланов я притворялась нормальной? Не была ею, а играла роль приличной дамочки?

Может быть, я такая же грязная, как и весь криминальный мир? Я рождена в нём... в нём и должна существовать?

Алекс уводит нас с места происшествия, сажая в припаркованную у обочины машину, а я по-прежнему нахожусь в прострации от неожиданно открывшейся истины.

Я другая.

Не интеллигентная и добрая, как он. Всепрощающая и принимающая людей такими, какие они есть.

Смотря на этого воспитанного мужчину с чутким сердцем, я не могу на него злиться. Просто не имею права.

От высокой влажности светлые волосы Алекса слегка вьются, будто их нарочно уложили. Оглядев парня, облачённого в белые льняные брюки с рубашкой, понимаю, что отхватила самого настоящего ангела.

А разве можно злиться на ангела за то, что он не нападает на людей с кулаками? Или, ещё того хуже, не угрожает оружием?

Сомневаюсь, что Харрис вообще знает, как держать пистолет в руках. Уж не говорю о том, чтобы пристрелить кого-нибудь.

Его миссия спасти, а не калечить.

Но и думать о том, каким образом поступил бы на его месте Джон, тоже не могу...

Всю дорогу меня распирает от мыслей и сравнений. В

один момент даже хочется сжать виски и прекратить этот хаос, творящийся в голове.

Звонящий в сумочке телефон становится настоящим спасением. С облегчением вытаскиваю гаджет, сощурившись, уставляюсь на экран, а затем принимаю вызов.

— Приглашаем будущую тётушку сегодня на гендер-пати!
— *(прим. автора вечеринка, на которой будущие родители, их друзья и родственники узнают пол ребёнка)* — из динамика звучит весёлый голос жены брата.

— У Князевых всегда первыми рождаются мальчики, — произношу семейную легенду, отвернувшись к проплывающим пейзажам за окном. — Вы же и так знаете пол ребёнка. Какое ещё гендер-пати?

— Зануда, как и твой братец, — вздыхает Сара, наверняка закатив глаза. — Просто хотела заманить тебя в наше логово.

— Зачем? — уточняю, не разделяя энтузиазма по понятным причинам.

Хоть у нас со старшим братом и установилось шаткое перемирие, где никто не лезет друг к другу, восстанавливать общение и уж тем более ходить в гости я не собираюсь.

— Ну вот приедешь и всё узнаешь! — заговорщически пропевает она.

— Сара, я не хочу. Ты же сама всё знаешь, — и без того не особо хорошее настроение грозит окончательно испортиться. — Можем встретиться на нейтральной территории.

— Слушай, беременным отказывать нельзя! — давит за-

раза, чем-то шурша на фоне. — И вообще, ты едешь ко мне, а не к Арту. Это и мой дом тоже. Я его наследника вынашиваю, *если вы тут все об этом заб-ы-ли!*

Есть ощущение, что последнее предложение было предназначено не мне одной, но и тому, кто находится рядом с ней.

— То есть нет ни малейшей надежды на то, что ты сжалишься и согласишься посидеть где-нибудь в кафешке? — делаю мучительную попытку отмазаться.

— На улице так жарко. А если мне станет плохо? — задумчиво тянет сноха. — А вдруг я потеряю сознание? Я! Беременная твоим племянником! Тебе меня не жалко? Со всем?

Не сдержавшись, я прыскаю от смеха. Обычно боевая и собранная Сара совсем не вяжется у меня с неженкой, которая может свалиться от жары.

— Жуть какая, — прикрыв глаза, упираюсь затылком в подголовник. — Ты ужасная манипуляторша.

— И я тебя люблю, котик, — практически мурлычет родственница. — Целую и жду!

— Всё нормально? — ладонь Алекса ложится на мою ногу, слегка сжимая, когда я сбрасываю звонок.

— Извини, похоже, не получится провести день вместе, — непроизвольно кладу свою руку поверх его. Кажется, что таким образом я могу контролировать прикосновения и, в случае чего, пресечь любые попытки дальнейшего развития

событий. — Жена брата пригласила в гости. Говорит, беременным отказывать нельзя.

— Ну, это как раз по твоей части, — усмехается сидящий за рулём, слегка сжав моё бедро. — Я тебя отвезу.

— Ни в коем случае! — выпаливаю, испугавшись, что нас увидит Артём, а затем, прикусив язык, уже спокойнее добавляю: — Тебе нужно отдыхать, ты же со смены. А дорога в обе стороны до Нью-Йорка и обратно займёт много времени.

— Хорошо, но вечером я заберу тебя. И не смей спорить. Не хочу, чтобы ты ночью бродила по станциям в поисках поезда или ехала на такси.

Смысла спорить нет, поэтому я благодарно соглашаюсь.

Ах, если бы я только знала, чем закончится этот день... в жизни бы туда не поехала!

До Нью-Йорка я добираюсь на поезде примерно за сорок минут. Всё это время не могу совладать с эмоциями, представляя очередную стычку с братом. Без конца трясусь ногой и нервно накручиваю прядку волос на палец. А стоит подумать о том, что встреча пройдёт в его квартире, нервы вообще становятся ни к чёрту.

Папа говорил, что идти в гости с пустыми руками неприлично.

Что можно купить семейству Князевых, у которых всё есть? Понятия не имею.

Проходя по Пятой авеню на Манхэттене, мой рассеянный взгляд цепляется за бутик с детской одеждой, расположен-

ный на соседней стороне улицы. На душе становится немного легче от того, что одна проблема уже решена.

Попав в рай для мамочек и их малышей, глаза разбегаются от изобилия шмоток для новорождённых. Решив долго не выбирать и не гадать, понравится ли будущим родителям, покупаю на свой вкус красивый комплект, состоящий из всего необходимого: боди, слюнявчика, двух шапочек, распашонок и ещё кучи вещичек в синей расцветке.

У элитной высотки, где проживают родственнички, я стою около двух часов дня. Потом ещё какое-то время жду, пока охрана соизволит поднять меня в хозяйские апартаменты.

В прошлой жизни я бывала тут у Артёма тысячу раз. Между прочим, у меня имелась собственная комната, где я оставалась после тяжёлых соревнований или когда не хотела долго ехать загород, в особняк.

Сколько воды утекло с тех времён...

— А вот и она-а-а! — радостно пропевает Сара, направляясь ко мне переваливающейся походкой, стоит створкам лифта распахнуться.

— Привет-привет! — мои глаза с восторгом загораются при виде ещё сильнее округлившегося живота снохи. — Как вы выросли!

— Моя поясница сказала «пока», — жалуется она, немного похныкав. — Уже не могу дождаться встречи с этим маленьким засранцем.

Мы тепло обнимаемся, насколько это позволяет её пузи-

ко.

— Уже определились с датой родов? — интересуюсь, слегка отстранившись и выпустив из своих тисков милую сноху.

Однако наш разговор нахально перебивает непонятно откуда появившийся Артём.

— Сама в ручки приплыла, даже искать не пришлось, — не упускает возможности подколоть брат.

— Искать? Можно подумать, ты не в курсе, где и как я живу, — не остаюсь в долгу, намекая на его маниакальные наклонности к слежке. Широко улыбаясь, Князев делает шаг вперёд, но я спешно выставляю руку. — С тобой обниматься не собираюсь!

Моё лицо вмиг принимает недовольный окрас, но Князева это не смущает. Наоборот, он начинает гоготать от моих слов.

— Чё там? Любимому брату подарок принесла? — судя по всему, Князев пребывает в прекрасном расположении духа.

Во-первых, из его уст не прозвучало ни одного мата (но это ещё не вечер). Во-вторых, он смеётся и не грубит, по обыкновению агрессивуя.

— Мо-е-му пле-мян-ни-ку, — делая акцент на каждом слоге, почти швыряю в Арта несколько красивых подарочных пакетов.

Посмеявшись с перепалки, Сара почему-то тянет меня за собой в сторону коридора, ведущего в спальни, а не в гости-

ную.

— Ада, извини, пожалуйста, — тихонько говорит она, будто никто другой это не должен услышать. — Я не хотела, чтобы так получилось... Точнее, думала...

Договорить сноха не успевает — из-за Артёма, не знающего о понятии «приватный разговор» и «личное пространство».

— Потом языками почешете, — командует хозяин дома и кивком головы указывает идти следом за ним.

Вздыхнув, сноха понуро опускает плечи, а я не могу взять в толк, почему она слегка напряжена. Но всё встаёт на свои места, стоит из глубины квартиры донестись до боли знакомому голосу. А ещё женскому смеху.

Внутри что-то ёкает от мысли, что *он* может быть здесь! В этот момент Сара берёт меня за руку, можно подумать, боится, что сбегу, и выдавливает напряжённую улыбку.

Хочется остановиться и спросить: что за чертовщина? Вдруг, у меня галлюцинации? Что Джону делать в Нью-Йорке? Разве бы он не приехал в первую очередь ко мне, находясь в такой близости?

Разве?..

Разве ты заслужила этого? — нашептывает внутренний голос, и на лбу мигом проступает холодный пот. — Ты бросила его! Сбежала, не удосужившись попрощаться. И после всего этого мечтаешь, что он придёт к тебе на поклон? Весьма наивно.

Но встреча с Греем спустя мучительные шесть месяцев на расстоянии не самое худшее, что могло произойти за этот день.

Мои ноги едва ли не подгибаются, когда идущий впереди брат смещается в сторону, и моему взору предстаёт восхитительная картина: Джон вальяжно восседает на диване в гостиной, а рядом с ним, повиснув на плече, сидит роскошная блондинка. Она что-то нащёптывает своими пухлыми красными губами мафиози на ухо. Но он её больше не слышит...

Наши взгляды сталкиваются мгновенно. Кажется, даже воздух электризуется от возникшего вокруг напряжения.

Несколько мучительно долгих секунд мы молча пялимся друг на друга. И, похоже, не я одна поражена неожиданной встречей.

Нежная ладошка Сары крепче сжимает мою руку в знак поддержки. Родственница словно догадывается, что на Аляске кое-что произошло.

— Э-э-эм... привет, — мямлю, не выдержав гнетущей тишины.

Сердце колошматит с такой силой, что в любую секунду готово пробить грудную клетку.

— Здравствуй, Адалин, — без капли интереса цедит Грей, а затем возвращает внимание к своей спутнице.

Глава 4

— Здравствуй, Адалин, — произносит Джон так, будто встречает знакомую из прошлого, к которой больше ничего не чувствует.

А чувствовал ли?

Озарение прошибает меня без предупреждения, пуская заряд тока по венам.

Эмили?

Она сидит рядом с ним? Неужели именно её мафиози звал по ночам в бреду на Аляске?

Кровь мгновенно приливает к щекам. Лицо не просто горит от стыда оно неистово полыхает. Это что же получается... Грей изменял ей... со мной?

В какой момент я так низко пала и стала чьей-то любовницей?

Застыв, как статуя, я стою, не двигаясь, пока Сара не начинает аккуратно подталкивать меня вперёд. Подойдя к одному из диванов, на подкашивающихся ногах вынужденно опускаюсь на мягкую обивку.

В висках стучит с такой силой, что хочется сжать голову в надежде унять эту давящую боль.

Мысли с бешеной скоростью сменяют одна другую. За что вселенная так жестока ко мне? Неужели я настолько плохой

человек, что без конца получаю пинки и подзатыльники от судьбы?

Джон пропал со всех радаров после моего побега с Аляски. Я не видела и не слышала о нём долгих полгода. Сара как-то хотела рассказать новость про Грея, но я пресекла попытку, заявив, что меня не волнуют сплетни про других. Сноха тогда фыркнула и с тех пор тему Джона не поднимала. К сожалению...

Мысленно я ругала себя за тупость, но гордость спросить про него самой не позволяла. Кажется, теперь я понимаю, что совершила ошибку: вдруг родственница собиралась поведать про его отношения с данной блондинкой или о возможном приезде? Сейчас я бы не была так огорошена случившейся встречей.

На фоне звучат голоса, но я не могу сосредоточиться. Глянув на Арта, мне приходится приложить немало усилий, чтобы вслушаться в его речь.

— Селин, познакомься это наша с Иваном младшая сестра Адалин, — как гостеприимный хозяин дома произносит он.

Селин?..

Иван?!

Мой растерянный взгляд автоматически перемещается на Джона, но он рассматривает бокал в своих руках, и тогда я снова возвращаю внимание к Тёме.

— Делла, знакомься. Селин девушка Вани, — произносит

старший брат, указав в сторону липнувшей к Грею особы.

Глава семейства Князевых внимательно следит за моей реакцией на происходящую бесовщину. Зачем?

Я не знаю, каким образом можно описать весь тот спектр эмоций, что сносит меня снежной лавиной от услышанного. Представьте: вы спускаетесь с горы на сноуборде на огромной скорости. Вариантов остановиться и затормозить нет, ибо вы мчитесь неприлично быстро. И вот в этот самый момент вас сшибают с ног.

Сначала вы не понимаете, что происходит. Вы оглушены и дезориентированы. Пытаетесь воспроизвести в голове произошедшее секундами ранее, но в ушах стоит звон. Следующий этап когда к вам постепенно, медленно, но верно приходит осознание. Именно тогда вы делаете попытку подняться, и вас настигает боль.

Такая боль, от которой хочется взвыть. Заплакать или попросить о помощи, но не получается вымолвить и слова. И вот вы обессилены и не знаете, что делать дальше...

Пожалуй, это немного передаёт моё состояние в данный миг.

Кажется, что я не могу дышать. Нужно что-то сказать, поздороваться с его дамой сердца, но я не в состоянии. И контролировать свою ошарашенную физиономию, по всей видимости, тоже.

— Очень рада знакомству! — сквозь гул в ушах слышу утончённый голос той самой блондинки. — Наконец-то Иван

познакомил меня со своей семьёй.

Почему-то мне хочется рассмеяться. Вот прямо от всей души взять и расхохотаться им всем в лицо. Особенно Ивану и его милой блондиночке.

Девушка.

У НЕГО ЕСТЬ ДЕВУШКА! — истерит подсознание, и я подрываюсь на ноги, но тупо стою, не зная, что делать.

Три пары глаз удивлённо уставляются на меня, явно недоумевая, что стало причиной такой реакции.

— В... Вза... — не в силах произнести слово целиком, а не по слогам, и с озлобленным оскалом я делаю несколько глубоких вдохов, успокаиваясь.

Без понятия, какого чёрта мне удаётся натянуть на лицо подобие дружелюбной улыбки и спокойно произнести:

— Взаимно.

Не говоря больше ни слова, я разворачиваюсь на пятках и широким шагом направляюсь к выходу из гостиной.

Зачем я приехала? Нафига оно мне было нужно тащиться сюда?

Если с Эмили я хоть как-то готова была смириться я знала о её существовании и понимала, что у Грея в сердце есть другая женщина, то с этой *Селин* всё иначе.

Меня словно неожиданно ударили под дых.

— Ада, подожди, — зовёт Сара на русском, но я не оборачиваюсь, намеренная свалить из этого места. — Пожалуйста, стой!

Топот тяжёлых шагов позади преследует до самого коридора, с уговорами не уходить.

— Ты хочешь, чтобы я бежала за тобой до первого этажа? — запыханно, с ноткой иронии уточняет жена брата, и только тогда я останавливаюсь, оборачиваясь. — Клянусь, я не знала, что он придёт не один! — столкнувшись с моим уничтожающим взглядом, Сара спешит объясниться.

— С чего ты вообще взяла, что мне нужна была эта встреча? — не отставая, так же отвечаю на родном языке.

Скрестив руки на груди, в оборонительной позиции, в какой-то степени я испытываю стыд, что груба с этой милой пухленькой беременяшкой. Но она не просто сковырнула незажившие раны Сара расковыряла их ещё сильнее.

— Мне казалось, что вам стоит встретиться и поговорить, — родственница подпирает рукой поясицу, будто ей тяжело стоять. — Ты спасла Джона, и, хочется вам того или нет, теперь вы связаны.

— Я кучу месяцев проторчала с этим типом под одной крышей. Поверь, мне хватило на несколько жизней! — подаюсь вперёд, еле сдерживаясь, чтобы не распахнуться. — И мы с ним не связаны.

— Ты злишься, что я тебя не предупредила о присутствии Джона или из-за Селин? — тактичность это совсем не про Князевых. Сноха идеально вписалась в семейку, став её неотъемлемой частью.

— Мне стоит уйти, — качнув головой в нервном жесте,

решаю, что это будет лучшим решением за сегодняшний день. — Не хочу портить ваш уютный вечер своей кислой миной.

— Нет, пожалуйста! — Сара хватается мою кисть, слегка сжимая. — Я так давно хотела, чтобы ты пришла. Даже приготовила твою любимую лазанью.

Сноха выглядит потерянной. Похоже, она и сама не ожидала подобного поворота событий и моей неадекватной реакции.

На мой сомнительный взгляд, брошенный на последнюю реплику, она, слегка смутившись, объясняется:

— Тёма рассказывал, что в детстве ты её обожала и готова была есть хоть каждый день, но из-за жёстких ограничений в спорте не могла.

— Ты для этого меня позвала? — немного закипая, уточняю я. — Накормить блюдом, которое я любила хренову тучу лет назад, и столкнуть лбами с Греем?

Такого опустошения и одновременно унижения я не испытывала, пожалуй, никогда. Он коротко бросил: «Здравствуй, Адалин» и всё.

Будто я пустое место и мы вовсе не знакомы. Словно мы не провели несколько месяцев под одной крышей. Не так я представляла эту встречу. Мне казалось, что мы сблизились...

Тогда почему сегодня передо мной словно предстал незнакомец?

Наверное, потому что Джона Грея больше нет.

Его место занял Иван Князев наш с Артёмом двоюродный брат.

Вот, значит, какую легенду придумал Арт, подделывая документы. Использовал мою ложь, сказанную главарию мафии Аляски?

Какая ирония Джон будет вынужден прожить жизнь под именем и фамилией, придуманными мной, женщиной, которую он, судя по всему, презирает.

— У меня к тебе есть важный разговор, но это позже. Давай мы, пожалуйста, все вместе поужинаем, а после поговорим? — вырывает из мыслей Сара, заставляя обратить на неё внимание.

Пожалуй, не стоит описывать, какой раздрай творится на душе во время проклятого ужина?

Да, можете называть меня бесхребетной или тряпкой, раз я согласилась остаться. Не хватило совести развернуться и уйти перед носом беременной снохи.

Сидя за большим, щедро накрытым столом, я не могу найти себе места. Без конца ёрзаю и практически не ем, ковыряя вилкой в тарелке благодаря стоящему в горле кому. Боюсь, что при желании не смогу проглотить и маленький кусочек еды.

— Так чё там с той стройкой? — прослушав часть беседы между мужчинами, я почему-то цепляюсь за прозвучавший вопрос от брата.

Навострив уши, я продолжаю рассматривать белую ска-терть с восхитительной красной вышивкой, дабы не подавать виду.

— Фундамент закончили, — спокойно отвечает Джон, откидываясь на стуле (это движение я подмечаю боковым зрением). — Подрядчики укладываются в сроки.

Стоит голосу Джона разрезать пространство, как в груди собирается волнение, вперемешку со странной истомой. Ощущение, будто бегу, но прошлое упорно нагоняет.

Нагоняет? Ты его заложница, Адалин.

Чёрт, я ощущаю себя настолько лишней, что хочется слиться с обивкой стула или тупо исчезнуть. Благо сидящая рядом хозяйка немного разбавляет обстановку.

— Ешь, иначе я не выпущу тебя из квартиры, — пнув меня по ноге, шипит сноха на русском. Ошарашенно повернувшись, встречаю самую милую улыбку из всех возможных на её ангельском личике, скрывающем дьяволицу внутри. — Я для кого весь день корячилась?

— Для своих гостей, — натянув такую же слащавую улыбочку, делаю лёгкий кивок головой в сторону Грея и его спутницы.

— Район хороший, — мягко подхватывает эта Селин, вливаясь в разговор. — Метро рядом, новый парк в квартале, плюс мэрия подтвердила планы по благоустройству набережной. Через два года цена за квадрат там точно вырастет.

— Поэтому я и взял этот участок, — коротко добавляет

Джон своим низким голосом.

Он что, занялся строительством в Нью-Йорке?

— Унылое у вас гендер-пати, — подтянув бокал с красным полусладким вином к краю стола, задумчиво кручу его за ножку, а затем, поднеся к губам, махом осушаю. — Шар будете лопать или твой муж уже притащил оркестр с барабанами, чтобы Нью-Йорк точно понял грядёт наследник?

— Я пошутила, лишь бы заманить свободолобивую тётушку в гости, — язвит в ответ Сара. Уверена, она хотела бы показать мне язык, но вынуждена строить приличный вид перед присутствующими.

— Девчата, не очень вежливо базарить на своём языке при тех, кто вас не понимает, — обращается Артём на русском, и я ощущаю, как помимо него на нас пялится ещё и сладкая парочка.

— Ой, вот кто-кто, а ты точно смело можешь разговаривать только на английском, — не выдержав невыносимого акцента Артёма, я даже прикрываю на несколько секунд веки, успокаивая расшатанные нервы. — Умоляю, не пользуй русский.

Сара прыскает от смеха, легонько толкнув своей коленкой мою.

— Прошу прощения, ваше высочество, больше не повторится, — наивным тоненьким голоском она нарочно продолжает говорить на нашем, тем самым провоцируя мужа. — Мы люди простые, ваш диалог о бизнесе поддержать не мо-

жем.

— С тобой я потом разберусь, — многообещающе предупреждает брат недобрым тоном. — И с тобой тоже, — кивает уже на меня, а я, не сдержавшись, закатываю глаза, без спроса отпивая из нетронутого бокала Сары.

На самом деле я не фанатка спиртного, скорее наоборот не особо люблю выпивающих. Благодаря спортивному прошлому я избежала вечеринок и тонны алкоголя в подростковом возрасте, но сегодня грех не выпить. Скажу так: если не напьюсь, то, скорее всего, не смогу пережить этот грёбаный вечер.

— Если грамотно подать, — Селин продолжает толкать речь о дебильной стройке, — инвесторы разберут все помещения ещё на этапе котлована. Я бы запустила рекламу уже сейчас, дабы создать ажиотаж. Не хотите вложиться одним из первых? — блондиночка сидит, повернувшись к Артёму.

— А скидка брату будет? — нахально улыбаясь, подмигивает Арт Джону. — Не по понятиям со своих бабки брать.

Не по понятиям это обманывать сидящую напротив девушку и прикидываться братом Джона. А ещё скрывать своё настоящее имя и личность, притворяясь неким Иваном Князевым.

Мой подвыпивший мозг на секундочку представляет, какой скандал разразится, если я раскрою все карты здесь и сейчас. Возьму и расскажу, что милый Ванечка на самом деле никакой не бизнесмен, притворяющийся строителем, а са-

мый настоящий мафиози, которого все считают мёртвым.

Сменив имидж и постригшись практически под ноль, а ещё отрастив бороду, Джон выглядит немного иначе внешне. Но я думаю, те, кто были знакомы с ним в прошлой жизни лично, точно узнают его вблизи.

Хотя... сколько похожих людей во всём мире? Недавно, вон, проходил конкурс двойников Педро Паскаля, и каждый из участников выглядел на одно лицо с актёром.

— Сделаем, — тем временем, подхватив намёки Тёмы, усмехается Грей. — Для Князевых бесплатно, — на последних словах мафиози поворачивает голову в мою сторону, и стоит нашим взглядам столкнуться, он сразу же его отводит.

И что это было? Покупать у него жилплощадь я точно не собираюсь, если намёк об этом.

— Цены там уже, кстати, начали расти, — снова встречается неприятная Селин, а мне хочется прокричать: «Да когда же ты уже заткнёшься?!»

В общем, из разговора я делаю вывод, что Джон начал стройку элитного жилого комплекса. Но вот не могу взять в толк зачем ему это нужно? А вот наша милая светловолосая нимфа риелтор. Да не простой, а тот, кто продаёт крутую недвижимость богатым дядечкам за кругленькие суммы.

Интересно, если попросить её сдать мою каморку в Нью-Рошелл согласится? От проскочившей мысли ухмыляюсь, в очередной раз словив на себе ненавязчивый взгляд Джона... ой, то есть двоюродного брата Ивана.

Стоп... это что получается? Мы инцестом занимались?!
Срам-то какой!

Вино ударяет в голову, и, к своему ужасу, я осознаю, что немного расслабляюсь, поудобнее устраиваясь на стуле. Закидываю ногу на ногу и, откинув прядку волос назад, массирую затёкшую от напряжения шею.

— Простите, что отвлекаю вашу увлекательную беседу, — Сара поднимается, перенимая внимание на себя.

Пожалуй, если бы я не знала достаточно хорошо сноху, подумала бы, что она произносит это мило и по-доброму. Но на самом-то деле в тоне бестии звучит очень хорошо скрытый сарказм, а ещё усталость.

— Как насчёт десерта? — добавляет она, выгнув изящную бровь.

Находящиеся за столом единогласно соглашаются, не посмев отказать беременной и весьма гостеприимной хозяйке.

— Лазанья была великолепной, — к моему сожалению, искренне произносит Селин. — Могу я у вас попросить рецепт?

— Конечно, — мило кивает Сара.

В этот миг возникает желание намотать светлые волосы сучки-риелторши на кулак и сказать, что лазанью готовили для меня, а не для неё. И никакой рецепт она не получит!

— Ада, поможешь? — будто заметив мои раздувающиеся от нарастающего гнева ноздри, обращается с просьбой родственница.

— С удовольствием, — поднявшись, не достаиваю никого из присутствующих взглядом и ухожу следом.

Мне тоже необходимо перевести дыхание и успокоиться. Чем дольше я нахожусь рядом с Греем, тем сильнее разрастается боль в груди. И вино не помогает её до конца унять.

— Не нравится мне эта Селин, — стоит хлопнуть двери на кухню, выдаёт Сара на русском. — Ты видела, как она флиртвала с Артёмом, чтобы продать ещё даже не построенные квартиры?

— По-моему, до Артёма ей как раз-таки нет дела, — резонно подмечаю я, подперев плечом стену. — У тебя гормоны шалют.

— Рецепт лазаньи! Да хрена с два! — возмущается сноха, наматывая круги по кухне.

— Сара, успокойся, — вздохнув, отталкиваюсь и подхожу к ней вплотную, положив руки на плечи. — Не нужен ей твой драгоценный муж. Этот психопат, кроме тебя, больше никому не сдался. Его просто-напросто никто не выдержит.

На секунду в помещении воцаряется тишина, а затем сноха раздражается смехом. Практически заикаясь, она опускается на стул, держась одновременно за живот и поясницу.

— Кажется, чем ближе дата родов, тем сильнее я схожу с ума, — признаётся она, немного успокоившись, но вмиг посерьёзнев, добавляет: — Делла, мне страшно.

Глава 5

Мрачная тишина ложится на кухню густой дымкой, делая пространство вокруг зловещим после слов снохи о том, что ей страшно. Мне тоже охренеть как сильно становится страшно от её короткого признания.

— Почему? — уставившись на брюнетку, заставляю свой пьяненький мозг собраться и хотя бы предположить возможные причины.

Выждав неприлично долгую паузу, Сара наконец драматично произносит:

— Я боюсь рожать.

Громко выдохнув, я даже отступаю на несколько шагов назад, опираясь ладонью о столешницу гарнитура.

— Я думала, ты сознаешься в убийстве или ещё в чём-то похуже!..

— Что может быть страшнее родов? — Сара возмущённо морщит носик.

На самом деле на её вопрос я могу озвучить массу вариантов. Например, о разбитой судьбе и разрушенной карьере, но решаю проигнорировать поставленный вопрос.

— Хочешь ты или нет, но пройти через это придётся, — стараюсь звучать мягко, но правдиво. — Лучше думай о том, что скоро встретишься с сыном.

— Ада... — подняв взгляд исподлобья, родственница впи-
вается в меня жалобным взглядом. — Я хотела тебя попро-
сить присутствовать на родах.

— Ты собралась рожать в Нью-Рошелле? — немного ото-
ропев, уточняю я. — В нашей клинике?

— Что? Нет. Конечно, нет!

Категоричный ответ снохи и слишком уж активное мота-
ние головой отдаются во мне лёгкой обидой. У нас прекрас-
ный профессиональный врачебный состав и вообще...

— Мы уже заключили контракт с клиникой, в которой я
веду беременность, — перебивает ход мыслей Сара. — По-
жалуйста, ты можешь быть моей доулой на родах? *(прим.
автора: доула помощница, оказывающая психологическую и
физическую поддержку в процессе родов).*

— Почему я? — скрестив руки на груди в оборонительной
позиции, восклицаю, не скрывая скептического настроения.

Вот вечно эти Князевы себя так ведут. Просят помощи,
при этом фактически не давая права на отказ.

— Ты опытная, — слегка удивлённая вопросом, протяги-
вает сноха, будто я не догоняю очевидных вещей. — И ты
акушерка.

— Я... — от воспоминания о крайней смене, в которой мы
потеряли новорождённую девочку, к горлу подкатывает ком.

— Делла, я не смогу никому другому довериться. Ты сест-
ра Артёма, а значит и моя сестра.

Разве можно мне поручить такое важное дело? Не увере-

на, что я сама смогла бы на себя положиться.

С другой стороны, что, если с ребёнком моего единственного брата может случиться нечто подобное? А с его женой? Вдруг рядом не будет человека, способного помочь? Конечно, Сара наверняка будет рожать в лучших условиях, но всё же...

«Если откажешься, потом всю жизнь будешь себя винить», — нашёптывает совесть.

— Да, конечно. Раз ты хочешь, я буду рядом, — прочистив горло, придаю себе спокойный вид, тщательно скрывая творящийся на душе хаос. — Только мне придётся заранее обсудить с руководством даты, чтобы оформить отгул.

— Спасибо, спасибо, спасибо! — поднявшись на ноги в два счёта, Сара словно забывает о своём интересном положении и заключает меня в удушливые объятия.

— Там, наверное, десерт заждался, — хихикнув, довольная, она всё же отстраняется, смешно скорчив гримасу.

Мы дружно принимаемся украшать креманки с десертами свежей вишней. Немного свыкнувшись с фактом, что на мои плечи добавляется ещё одна роженица, в голову возвращаются мысли о Грее.

— Почему Джон в Нью-Йорке? — уточняю, как бы между делом, не справившись с любопытством. — И почему он Иван Князев?

— Переехал. Я не лезу в дела твоего брата, но, насколько понимаю, Артём с Джоном сейчас вдвоём заправляют в

Кольте, — виновато произносит Сара, можно подумать, это она его сюда притащила. — А насчёт имени Тёма долго смеялся, когда ты придумала эту легенду, и решил воплотить её в реальность.

Кольт клан нашего отца, перешедший по наследству Арту. — Ты серьёзно? — опешив от новости о том, что Князев доверился кому-то, не взирая на предательство его правой руки Майкла, я отступаю от стола, не веря в происходящее.

Когда мы были на Аляске, помощник Артёма пытался захватить власть в Кольте. Сноха рассказывала, что он похитил её и планировал убить, чтобы морально уничтожить Арта, а следом убрать и его самого. Правда, Майкл недооценил нашу прекрасную брюнетку: ей удалось сбежать и связаться с Тёмой.

Слава Богу, что всё обошлось. Страшно представить, что творилось бы с Артом, пострадай Сара и их нерождённый малыш.

Десерты мы относим под рой мыслей в неугомной голове. Я пытаюсь смириться с фактом, что Грей на постоянной основе живёт в Нью-Йорке. Столько времени он находился в часе езды от меня, но ни разу не приехал.

Бесспорно, я знаю, что сделала выбор, а Джон его принял, но смириться с этим почему-то не могу. И смотреть на него теперь не в силах.

После поедания сладкого, во время которого я ни разу не взглянула в сторону мафиози, вся компания перемеща-

ется на просторные диваны. Мужчины потягивают крепкие напитки, продолжая разговор о строительных объектах, без единого упоминания бандитских дел. Селин старается подружиться с Сарой, подмазываясь к ней.

А я... я хочу поскорее оказаться рядом с Алексом. Уйти из этой квартиры и забыть всё, как страшный сон. Стереть начисто из памяти неожиданную встречу с Греем и знакомство с его девушкой.

Глядя на эту роскошную блондинку с ногами от ушей, во мне с каждой секундой всё сильнее разгорается завистливый пожар. Лёгкое волнистое платье цвета пыльной розы выгодно подчёркивает её утончённую фигуру и красивые тонкие плечи. Селин выглядит, словно сошла с обложки глянцевого журнала. Можно подумать, ещё утром она блистала на подиуме, представляя новую коллекцию какого-нибудь известного бренда, а в настоящий момент сидит напротив.

В своей обычной повседневной одежде на её фоне я выгляжу как гадкий зачуханный утёнок.

В целом я понимаю Джона. Будь я мужчиной, тоже бы повелась на её роскошную внешность. А если учесть, что Селин далеко не глупая (судя по её разговорам и манере поставленной речи), то становится обидно и завидно.

Чёрт, а стоит представить, что чуть позже я уеду в Нью-Рошелл, в свою маленькую, ничем не примечательную квартиру, — ощущаю себя, плюс ко всему, ещё и ущербной.

Почему-то именно в это мгновение я осознаю весь мас-

штаб трагедии своей никчёмной жизни. Как я могла скатиться с пьедестала и стать той, кем являюсь сейчас?

Я дочь Константина Князева. Самого могущественного человека в Нью-Йорке, какого только можно было представить.

И где я живу сейчас? В квартире, размером меньше, чем домик для прислуги, что был на территории отцовского особняка.

Я одевалась исключительно в брендовые вещи, а сейчас на мне напялена дешёвая одежда, которую раньше я не надела бы даже дома. У меня был собственный водитель и целый автопарк навороченных машин хоть на каждый день недели. Теперь же я перемещаюсь пешком либо пользуюсь метро.

От всего этого я отказалась по собственной воле...

И в это мгновение искренне задаюсь вопросом: неужели это то, чего я действительно хочу? То, чего считаю себя достойной?

Впервые задумываюсь о том, что не просто застряла на одном месте, а откатилась назад, превратив свою жизнь в нечто странное. В жалкое подобие существования прежней Деллы.

А ещё о том... что, возможно, стоит что-то менять?

— А вы чем занимаетесь? — лишь почувствовав на себе взгляд, понимаю, что прозвучавший вопрос предназначается мне.

Ого, сама Селин снизошла с пьедестала и решила пообщаться со мной?

— Что? — переспрашиваю, несколько раз моргнув, сбрасывая наваждение.

Не стану лукавить, вопрос я услышала с первого раза, но захотелось заставить блондиночку произнести его ещё раз.

— Я спросила, кем вы работаете, — дружелюбно повторяет неприятная Селин.

Покручивая бокал с вином в руках, она делает это настолько изящно, что мне моментально хочется вырвать его из её рук и выплеснуть на размалёванное люксовой косметикой лицо.

— Я акушерка, — делюсь без особого энтузиазма, глядя в упор на оппонентку.

Не обращать внимания на сидящего рядом Джона стоит невероятных усилий, но я справлюсь с задачей, сведя его существование к нулю.

— Странно, ваше лицо мне очень знакомо, — улыбнувшись, Селин, похоже, теряет интерес к беседе, не получив должного отклика.

Что ж, дорогуша, не все тобой восхищены.

— Адалин бывшая фигуристка, — раздаётся справа от блондинки, и я автоматически перевожу взгляд на источник звука, позабыв об установках игнора.

Джон тем временем вальяжно поднимается с места и проходит к мини-бару, подливая тёмную жидкость в опустевший бокал. Тоже решил накидаться? Что ж, понимаю.

Грей ведёт себя спокойно и непринуждённо. Будто между

нами действительно родственные связи и не более.

— Уверен, ты видела её по телеку или в фанатских видеонарезках в интернете, — добавляет он, обернувшись.

Джон обращается к своей девушке, но почему-то смотрит прямо на меня, и мне не нравится этот взгляд. Такой странный и непонятный.

Сегодня от Джона исходит совсем другая аура, не та, что была на Аляске. И я не знаю, как это объяснить.

Тогда он был раненым зверем в руках тех, кто его исцелял. Сейчас же Грей матёрый мафиози, которому помощь не нужна.

Скорее, она требуется не ему, *а от него*.

— Фигуристка? — изумлённо переспрашивает Селин, воодушевившись. Переводя внимание с меня на Джона, она явно не верит в услышанное. — Ничего себе!

Так-то, сучка! — подмечает подвыпившая внутренняя стерва. — Знай, кто тут главная звезда.

Вибрация в кармане брюк вынуждает выпасть из беседы, где мною восхищаются, и чуть откинуться на спинку дивана, чтобы вытащить телефон.

— Прошу прощения, нужно ответить, — увидев на экране имя Алекса, ощущаю, как в груди разливается приятное тепло. Он не забыл про меня. И не променял на другую блондинку.

Вот от кого ты должна трепетать, дурочка.

— Аллоу? — кокетливо пропеваю, отвечая на звонок. Да,

я закатываю небольшой спектакль нарочно. А ещё строю вид, что не замечаю заинтересованный взгляд родного старшего брата.

Не знаю, зачем я это делаю, хотя нет, вру. Знаю!

Я хочу насолить Джону, ведь он наверняка догадался, кто мне звонит.

— Детка, я выехал. Скинешь точную геолокацию? — в трубке звучит немного сонный голос Алекса. Бедный, он не подозревает, сколько всего я скрываю от истинного происхождения до чувств к другому.

— Я могла бы добраться самостоятельно. Из-за меня ты не выспался, — ощутив укол совести, звучу уже немного приглушённо.

— Делла, ты не будешь добираться по ночи самостоятельно. Я жду, — с нажимом отвечает Алекс.

— Ладно, минутку, — отодвинув телефон от уха, отправляю местоположение. — Получил?

— Ага, да, — подтверждает парень, с шумом шоссе на фоне. — Минут тридцать, и буду на месте.

— Жду, — на этих словах я не выдерживаю и поднимаю взгляд из-под ресниц на Джона. Разбушевавшаяся фантазия играет со мной злую шутку, и поэтому кажется, что его лицо перекошено от тщательно скрываемого недовольства.

Такая чушь. Уверена, что ему по барабану. Кому нужна никчёмная Адалин Суарес, когда рядом с тобой сногшибательная Селин Марлоу (фамилией она пафосно обмолви-

лась, вручая свою визитку Саре).

Как Мэрилин Монро, только Селин Марлоу.

— Нашла! Адалин Суарес новая звезда фигурного спорта, — подружка Грея машет смартфоном, привлекая внимание всех вокруг, и меня тут же тянет соскочить и вырвать гаджет из её рук. А ещё заткнуть её. — А почему Суарес, а не Князева?

— Я приёмная, — давлю фальшиво, за что получаю ещё один пинок по ноге от сидящей рядом Сары.

— «Легендарная фигуристка Адалин Суарес покидает...» — зачитывая вслух заголовки жёлтой прессы, Селин доходит до самой животрепещущей, но умолкает, сглотнув. В помещении воцаряется гробовая тишина, после чего девушка коротко и неловко добавляет: — Мне жаль. Я не думала, что так...

— Всё нормально, — перебиваю и, поднявшись резче положенного, смотрю на Сару сверху вниз. — Давай я помогу тебе убраться перед тем, как уеду? — предлагаю помощь, чтобы она не занималась этим в одиночку позже.

Хоть Сара и отказывается, ссылаясь на то, что с утра придёт домработница и всё приберёт, я остаюсь непоколебимой. Между нами говоря, это идеальный повод слинять от компашки и занять руки делом желательно до самого приезда Алекса.

— Кто звонил? — неожиданно перегородивший дорогу на кухню Артём не даёт пройти.

— Твоё какое дело? — остановившись напротив него с кучей тарелок в каждой руке, пытаюсь протиснуться, но попытки тщетны.

— Чё за мужик? Ада, блять, не испытывай моё терпение, — постепенно Князев закипает, демонстрируя истинную сущность.

— А что ты сделаешь? Запрёшь меня в квартире, как свою жену?

— Сару не вмешивай, — предупреждающим тоном цедит брат.

— В таком случае не лезь в мою личную жизнь, — выдаю стервозным тоном. Мы тоже, знаете ли, можем и зубки показать.

— Опана! — выдаёт на русском. — Личная жизнь, значит?

— Прикинь, мне уже давно не восемнадцать, и я имею на это право, — копирую его быдловатую манеру речи.

— Почему я не в курсах? — Арт выгибает густую бровь, впиваясь своим чернящим взглядом.

— А почему ты должен быть «в курсах»? — отвечаю вопросом на вопрос. — Ты где был последние пять лет? Помнится мне, ты выбрал Кольт, а не семью. Так что гуляй, — толкнув в Артёма тарелками, заставляю его взять их в руки и добавляю: — Держать с меня спрос ты не имеешь права.

И, развернувшись, походкой победителя я ухожу. Артём не проиграл эту битву, но сегодняшний бой со счётом один:

ноль в мою пользу.

Вернувшись в гостиную, я резко торможу у самого входа, увидев то, что видеть не должна: стоя у панорамного окна, Джон одной рукой удерживает свою даму за талию, а та водит острым ноготком по его шее.

Сары, как назло, нигде нет, и я вынуждена наблюдать, как сладкая парочка мило воркует. Все иллюзии, которые я строила месяцами, разбиваются вдребезги, оставляя после себя лишь пустоту.

И осознание.

Осознание того, какая я тварь. Мучаю Алекса и сама мучаюсь от того, что всё это время думала о другом.

Головой понимаю: уехав, я дала Джону понять, что выбрала Алекса. Поздно кусать локти, когда уже столько натворено, но сердцу не прикажешь.

Грею нужна нормальная спутница. Психически уравновешенная и без кучи травм. Та, кто будет искренне и безусловно его любить, ценить и заботиться.

Сделав глубокий вдох, я пытаюсь прочистить разум. Нужно сосредоточиться на настоящем. Да, именно так. Отпустить прошлое и жить сегодняшним днём, без тени Грея.

Я должна забыть всё, что там происходило. Стереть из памяти и никогда не вспоминать. Как говорится: что происходит в Вегасе, остаётся в Вегасе. Только в нашем случае на Аляске.

Начну жизнь с чистого листа, с человеком, который ис-

кренне меня любит и принимает со всеми тараканами в голове.

С Алексом.

Глава 6

Коротко попрощавшись со всеми присутствующими, я умоляю беременную родственницу сесть и передохнуть, отказавшись от затеи провожать меня. Под долгие уговоры она всё-таки соглашается и оставляет своё бедное пузико в покое.

Несмотря на отвратительный вечер в компании людей, с которыми я бы не стала проводить время, даже окажись они последними людьми на планете, я была рада повидаться со снохой.

Сара она как лучик света в тёмном царстве. Такой яркий, зажигательный, свойский и очень тёплый. Никогда бы не могла подумать, что Артём сможет найти замечательную жену, подарив мне родственную душу. У меня не было сестры, но, не побоюсь этого слова, Сара с достоинством отвоёвывает это место.

Сбросив ожидающему внизу Алексу смс о том, что уже спускаюсь, в гордом одиночестве я захожу в лифт. Мысли заняты тем, что я решительно настроена изменить жизнь. Ещё не знаю, как, но это однозначно произойдёт. Клянусь, я прямо чувствую необъяснимые вибрации, подталкивающие к переменам!

Нажав кнопку, ведущую в лобби, бросаю короткий взгляд

на взлохмаченные волосы в отражении. Створки лифта с сухим металлическим звуком постепенно смыкаются, и сквозь быстро сужающуюся щель я успеваю заметить приближающийся мужской силуэт. Сначала кажется, что это всего лишь игра воображения, но двери внезапно вновь раскрываются из-за ладони, вставшей между ними, и сердце срывается в бешеный галоп.

— Что ты делаешь? — опешив, инстинктивно отступаю вглубь, пока лопатки не упрутся в холодный металл.

Остановив лифт, Джон входит в кабину, как ни в чём не бывало. Лениво скользнув по мне взглядом сверху вниз, мужчина встаёт чуть поодаль, словно пытается держать дистанцию.

— Я отвезу тебя домой, — звучит уверенно в пространстве.

— С какой это радости? — удивлённо вскинув брови, уставляюсь на него скептическим взглядом.

Несмотря на внешнее спокойствие, внутри меня собирается буря из противоречивых чувств: от волнения и трепета до вселенской ярости.

— Как Алекс? — кривая усмешка на мужском лице ещё больше распаляет во мне гнев, заставляя сжать ладони в кулаки.

— Это единственное, что тебя интересует в данный момент? — выпаливаю, прежде чем успеваю обдумать мысль. — Я с тобой никуда не поеду. Можешь даже не мечтать.

— Иллюзий на твой счёт давно не строю, — всё в той же манере двусмысленно цедит «брат».

— Что тебе нужно?

— Арт попросил отвезти тебя домой, — произносит так, будто это само собой разумеющееся. — Не доверяет жизнь сестры кому попало.

На последних двух словах Джон делает акцент с особым удовольствием, намекая на Алекса.

— С кем попало я спускаюсь в лифте, а домой поеду с любимым мужчиной, — на моих губах расплывается стервозная улыбка.

Какая ирония. Внутри всё изнывает от обиды, злости на себя и на него тоже. А снаружи... снаружи я играю роль, как и всегда.

В прошлом Грей смог достучаться до настоящей Адалин, но в этот раз у него не получится.

— Любимый мужчина, как романтично, — не отставая от меня, Джон держит маску весельчака и парня, которого не бросали в прошлом.

Если посмотреть со стороны, вряд ли бы кто-то догадался, что у нас есть маленький секрет.

Казалось бы, разве я имею право злиться на Джона? Ревновать его к девушке? Нет, не имею. Но почему-то ревную и злюсь.

Я так его ждала!..

Разве любящий мужчина не попытается вернуть свою

женщину? Ту самую, с кем собирался построить будущее?

Всё просто, Ада, — звучит голос в голове. — Он тебя не любил.

Да, не любил, — соглашаюсь, мысленно кивнув.

— Могу познакомить вас лично. Он как раз ждёт на улице, — слегка наклонив голову набок, я зачем-то жадно впитываю каждую его эмоцию.

Темнеющий от услышанных слов взгляд. Играющие желваки и эти красивые глаза. Я бы не смогла сосчитать, сколько раз они снились мне. Мерещились в толпе и появлялись в фантазиях.

Встав напротив, Грей опирается ладонью о стену кабины рядом с моим лицом. Мне хочется задержать дыхание, чтобы не вдыхать его запах от неприличной близости. Такой родной и знакомый, но уже с примесью дорогого терпкого парфюма, а ещё немного алкоголя.

— Только если ты расскажешь ему, кто я такой на самом деле, — на лице Грея исчезает былая лёгкость. На смену ей приходит серьёзность.

— Бандит? — хмыкнув, складываю руки на груди.

Мне стоит установить больше расстояния, но я не решаюсь оттолкнуть мафиози или же отойти в сторону.

— Тот, с кем ты ему изменяла.

— Изменяла это когда люди спят друг с другом. А у нас ничего не было, — мой голос принимает нервозный окрас, и вся эта иллюзия холодной сдержанности постепенно рушит-

ся.

— Даже так? — Грей слегка поднимает уголки губ вверх, но это выглядит скорее как жёсткая усмешка. — А я вот до сих пор помню, какие твои губы на вкус.

— Лучше бы ты помнил, какие губы на вкус у твоей девушки, идиот.

— Ц-ц-ц, Алекс тебя совсем распустил. Некрасиво выражаешься, — Джон качает головой, похоже, в его больной голове реально зреет план по воспитанию.

— Как заслуживаешь, так и выражаюсь!

Не успеваю я осмыслить происходящее, как Джон, обернувшись в пол-оборота, одним движением нажимает на кнопку, и лифт останавливается.

— Что ты... — взвизгнув, я оказываюсь не в состоянии договорить. Будто сорвавшись с цепи, Грей прижимает моё тело своим, максимально вжимая в стену.

Обхватив мою голову обеими руками, мафиози сталкивает наши лбы, тяжело дыша. Я стою, подобно изваянию, боясь сделать лишнее движение. Сердце грохочет в груди так, что кажется, его слышно в другом штате.

Как и Грей, я борюсь с внутренними демонами, нашёптывающими поднять голову и поцеловать его. Но вместо этого позорно зажмуриваюсь, почувствовав мягкие губы на своём лбу и громкий вдох.

Одержимо, Джон водит носом по моим волосам, вдыхая их аромат. Мне хочется заплакать от интимности происхо-

дящего, от щемящего чувства в груди и осознания, сколько месяцев я ждала этого момента.

А потом происходит то, чего я желаю и боюсь больше всего на свете. Сорвав вздох с моих губ, Джон прижимается к ним с таким остервенением, словно жаждет сильнее всего на свете.

Его язык проникает в мой рот по-хозяйски и без спроса. Без долгих предварительных ласк. С таким жёстким и нетерпеливым напором.

Не сдержав стона, я сдаюсь под натиском чувств. Пристав на носочки, обвиваю мужскую шею одной рукой, а второй по привычке хочу ухватиться за отросшие волосы, но их нет. Жмусь к Грею с такой силой, что можно подумать: хочу слить наши тела в одно целое.

Это безумие продолжается, грозясь перерасти в глобальную катастрофу. Задыхаясь, мы целуемся или боремся, что-то друг другу доказывая.

Сжав мою талию в стальных тисках, мафиози сжимает её с такой силой, что уверена останутся синяки. А потом ему становится мало. Разорвав поцелуй, пока я жадно хватаю ртом воздух, Джон, подобно сумасшедшему урагану, нападает на мою шею. Он то кусает кожу, то вылизывает, как самец свою самку.

Мой мозг плавится в этой буре страсти, отказываясь здраво соображать. Я ощущаю себя оголённым проводом, способным только на инстинкты.

Однако, когда мужская рука перемещается чуть ниже на ягодицу, слегка приподнимает и заставляет прижаться сильнее к его затвердевшему паху, меня словно окатывают ушагом ледяной воды.

— Нет!.. — игнорируя внутренний протест, отстраняюсь, отталкивая мужчину. — Я. Сказала. Нет!

Запаниковав из-за возбуждения Джона, я осознаю весь масштаб произошедшей катастрофы. Боже, что я снова наделала? Внизу меня ждёт Алекс. Мой милый, заботливый и любимый Алекс!

— Отпусти! — собравшись с силами, я, наконец, отпихиваю от себя мафиози.

Отступив на шаг назад, Джон демонстративно вытирает влагу с нижней губы большим пальцем, а после коротким движением облизывает его, не прерывая зрительного контакта.

Обняв себя руками, пытаюсь унять неприятную дрожь, пробирающую до костей. Убежать бы и спрятаться, лишь бы не чувствовать на себе его взгляд, пропитанный презрением.

— Добрый вечер, у вас всё в порядке? — неожиданно над нашими головами из динамиков звучит спокойный деловой голос с лёгким акцентом.

— Да, всё... — мямлю, едва подбирая слова, но Джон, отвернувшись, нажимает кнопку с нарисованным телефончиком и сухо бросает в динамик:

— Всё под контролем.

— Вас освободить? — уточняет тот же мужчина, уже настороженнее. — Есть какая-то проблема?

— Не нужно, — тон Грея обрывает дальнейшие вопросы. Он отпускает кнопку, и в кабине снова становится тихо.

Проводя ладонью по панели, Джон находит нужную клавишу и нажимает её с таким спокойствием, можно подумать, ничего не произошло. Металл скрежещет, и кабина послушно трогается, начиная плавно сползать вниз, а я еле заметно выдыхаю, поняв, что не дышала всё это время.

По спине пробегает неприятный холодок. Остановить лифт, напасть на меня с поцелуем и сказать «всё под контролем»... Что у него вообще в голове творится?

Задать этот вопрос не решаюсь, снова замерев, потому что Джон оборачивается

— Ну так что, идём знакомиться? — хищный проблеск в его глазах не сулит ничего хорошего. — Не терпится узнать поближе неудачника, который не в состоянии обеспечить своей женщине защиту.

— О чём ты?

Смысл этих слов дойдёт до меня гораздо позже, когда появится время обдумать их и понять посыл.

— Думаю вот, как он дожил до такого возраста в целостности и сохранности со своими благородными принципами?

Джон изменился, и сейчас это читается невооружённым взглядом. Он стал одним из тех, каким был мой отец и сейчас брат. Тем, кому не составит труда причинить вред своему

врагу.

Но Джон и Алекс не враги. Вроде... По крайней мере второй из них понятия не имеет о грядущей трагедии.

— Не смей к нему приближаться. И ко мне тоже, — поняв недвусмысленный намёк, ведусь на мерзкие правила игры.

— Боишься за него?

— Я не поняла, ты сейчас угрожаешь? — опустив руки, вытираю вспотевшие от волнения ладошки о брюки.

— Пока нет, но всё зависит от твоего поведения, — выдаёт, как будто говорит о погоде.

— От какого ещё поведения? — взревев, я делаю шаг вперёд, хотя в голове нет плана для дальнейших действий. Что я смогу ему сделать?

— Для начала наберёшь блондинчику и скажешь, чтобы уматывал. Потом я отвезу тебя домой, и ты, как послушная девочка, пригласишь меня в гости.

— Там, наверху, осталась твоя девушка, ты что, больной? У меня своя жизнь, у тебя своя. Наши пути давно разошлись! — сжимая кулаки до боли, меня тянет наброситься на него и расцарапать наглое лицо.

— Сегодня ты, завтра она. Какая разница? — безразлично произносит этот урод, а я, всё-таки не выдержав, замахи-ваюсь.

Оглушительный звук пощёчины разрезает пространство. Во взгляде Грея на миг вспыхивает ярость холодная и беспощадная. Тут-то мне и становится по-настоящему страш-

но. Схватив мою кисть, Джон дёргает с силой на себя, и в этот момент как раз раскрываются створки лифта, оповещающая о прибытии.

Сглотнув вязкий ком в горле, я вырываюсь и, стараясь не смотреть на удивлённые лица людей, стоящих в лобби, вылетаю наружу. Правда, далеко уйти не получается здоровенной лапищей Грей тормозит, схватив за плечо.

— Ещё раз прикоснёшься ко мне и я всё расскажу Артёму! — шиплю, как загнанный в ловушку зверёк. — Скажу, что ты принудил меня к интиму и не оставляешь в покое.

— Братом решила напугать? — наглая усмешка озаряет лицо мафиози. — Думаешь, боюсь его?

— Ты будешь опозорен и потеряешь друга в его лице, — цежу с огромным удовольствием сквозь зубы. — Вряд ли тебе захочется Князевых во враги. Ты же знаешь, что Артём сделает с тем, кто причинил мне вред?

Произнося это, выдаю то, что спрятано в глубине души. Я никогда не признаюсь об этом вслух, но всегда знаю: стоит вылететь одному слову из моего рта Тёма уничтожит всех вокруг.

Возможно, именно поэтому и молчу столько лет. Не хочу, чтобы из-за меня на руках брата появилось ещё несколько смертей.

— Уверена, что потянешь со мной войну? — с особым удовольствием говорит Джон, будто уверен, что я собираюсь с ним враждовать.

— Ты мне безразличен, и воевать я не собираюсь, — про-
изношу, не понимая, кого пытаюсь обмануть. Его или себя?
— Просто смирись с этим и живи дальше.

Напоследок мне хочется пафосно бросить: «Больше не
смей появляться в моей жизни», но не могу. Он и не появ-
лялся, наша встреча случайна.

Отступив, я разворачиваюсь и шагаю прочь, наблюдая в
отражении витражных окон, как Грей следит за моей удаля-
ющейся фигурой.

— Так будет лучше для всех, — успокаиваю себя шёпо-
том, но на глаза всё равно наворачиваются горькие слёзы.

Глава 7

Джон

Тогда у меня не было ничего, но было всё.

Сейчас у меня есть всё, но нет ничего.

Рывком сажусь на кровати, осмотрев обстановку вокруг. В висках колошматит не по-детски, что аж приходится сжать башку руками.

Очередной сон снова вышибает из колеи, заставляя пережить тот пиздец, будто всё происходит наяву. Каждую ночь, сука, каждую ночь проживаю один и тот же момент жизни, что произошёл десять лет назад: как медленной смертью умирает самый дорогой человек.

Моя покойная жена. Эмили воплощение тепла и чистоты, ангел, способный согреть даже такого ублюдка, как я.

До конца своего жалкого существования буду винить себя за то, что не сумел уберечь её. Эм заплатила жизнью за мои грехи, став жертвой нашего с Адамом замеса с врагами.

Но сегодня что-то пошло не так. На месте Эмили ока-

залась Адалин. Походу судьба издевается, смешивая мёртвых и живых. Либо вчерашняя встреча с маленькой «младшей сестричкой» всколыхнула в неадекватной голове события полугодичной давности.

Совру, если скажу, что стёр белобрысую из памяти. Просто тупо научился мириться с её призраком. И не с таким дерьмом справлялся, чтоб убиваться по стерве, решившей свалить в закат вместе со своим ненаглядным хирургом.

Откинувшись обратно на подушки, закидываю руку за голову, устраиваясь удобнее. Пялясь в потолок, размышления разрывают на части, погружая в прошлое.

После смерти Эмили Джон Грей плыл по течению. Жил одним днём и не строил планов на будущее. Существовал хер пойми ради чего, не собираясь дожить до старости.

Хотя нет, тут я вам напиздел. План был. Один. Словить пулю где-нибудь в перестрелке и сдохнуть достойно.

В целом, так оно и случилось. Только семейка Князевых внесла коррективы и отправиться клеить тёлочек в аду не позволила. Обломали, так сказать, весь кайф.

А потом появилась она.

Адалин.

Делла.

Ада.

Её имя стало своеобразным синонимом слова «сука» в последние месяцы моей никчёмной жизни. Блондиночка своим поступком доказала, что впускать женщину в душу заве-

домо гиблое дело.

Один хер предаст, выбрав другого мудака.

Не хочу выглядеть жалким чмошником, но Адалин стала первой женщиной, ради которой захотелось жить. До её появления считал, что раз не смог спасти Эмили, то не достоин больше любви.

Ада дала надежду, что я не такой херовый персонаж и, возможно, она хоть и призрачный, но шанс на искупление. Посчитал, что прошлое не должно держать.

Оказалось показалось.

Я знал, что однажды встреча с Деллой произойдёт, она неизбежна, учитывая текущее положение дел. Но увидеть Адалин вживую, да ещё и в такой опасной близости, стало тем ещё испытанием на прочность.

Надо отдать должное держалась сучка стойко. Поначалу хотела уйти: походу, моя мерзкая физиономия не вызывает у принцессы восторга. Куда уж нам до интеллигентного Алекса Харриса. Талантливого хирурга от Бога, которому поклоняется их сраная больничка.

По наведённым справкам, помимо работы, этот тип особо ничем не выделяется. Маршрут придурка состоит от дома до работы, с небольшими отклонениями на качалку и поездки в гости к Адалин. Конкретно крайний пункт заставляет кровь в жилах вскипать. Была даже грешная мысль устроить случайную аварию с летальным исходом сладенького доктора, но я вовремя себя притормозил. Не настолько отморожен-

ный.

Но это пока что.

Видит дьявол, чего стоило сдержаться, когда своими, бля, глазами впервые увидел их вместе.

В то время я закрыл все дела в Чикаго, передал своё место новому подручному Коулмана и свалил в Нью-Йорк. Остаться в родном городе после официальной смерти Джона Грея было тупо, учитывая, что в кругах местной элиты я считался мёртвым.

Первым о переезде заговорил Адам. Брат понял, что по возвращении с Аляски в клане мне стало тесно. А жить под конкретным прикрытием, без возможности нормально высунуть голову, не вариант.

Почему именно Нью-Йорк, спросите вы? Если вкратце, Князев сделал предложение, от которого было сложно отказаться.

Короче, дело обстояло так:

«— Город здоровый. Заебался жопу рвать, — Арт потягивал бурбон, странно косясь то на меня, то на Адама. — Князевы должны быть в семье, — усмехнулся чертяга, намекая о новой сраной личности.»

Иван Князев. Я это произнести-то адекватно не могу, не то чтоб свыкнуться с русским именем.

Жизнь сыграла злую шутку, повязав со стервой, придумавшей легенду на ходу.

— Брата моего перетянуть решил? — недобро уточнил Адам, хотя по факту мы уже обговорили, что я выхожу из его клана. Джон Грей сдох, и я вместе с ним.

Между Князевым и Коулманом после того финта, что выкинул Арт, подстроив мою смерть, образовалось лёгкое напряжение на время. Благо в конце-то концов, Адам понял, что это было во благо.

— Извини, Коулман, — нагло усмехался Арт. — Теперь это мой брат.

— В какой момент я, бля, превратился в мяч, который вы никак не поделите? — пришлось встрять в разговор.

— Грей, возмёшь под контроль ту часть Нью-Йорка, отжатую у Якудз? Скоро сын родится, хочу семье больше времени уделять».

Так и началась эпопея в Нью-Йорке. Тогда Арт, с его слов, прекратил слежку за Адалин, но дал понять, что за сестричкой приглядывать время от времени нужно.

Сама она об этом не догадывается. Думаю, Аде и в страшном сне не приснится, что я в курсе практически обо всех её передвижениях. Веду себя как маньяк, пасущий жертву. Не могу отпустить девчонку. Видит Бог, ненавижу, хочу всю её душу вытрясти, но тупо наблюдаю, не предпринимая никаких действий.

Джон Грей, ныне Иван Князев долбаный извращенец, следящий за девкой, что его опрокинула.

Раньше у меня была развязная жизнь без ограничений, теперь же приходится сдерживаться, особо не светя рожей. Вот слежка за Адой и стала своеобразным развлечением.

Светлая копна волос на соседней подушке шевелится, вытягивая из мыслей.

— Доброе утро, котик, — звучит приглушённый голосок. Повернувшись, долго разглядываю сочные пухлые губы, думая о совершенно другой бабе.

Вчера я держался до последнего, но стоило услышать, как Делла воркует по телефону со своим Алексом, как внутри опустился рычаг, выпуская наружу монстра.

Я уже заранее знал, что так просто «сестричка» не уйдёт. Необходимо было проверить, как она отреагирует на меня. Ведь что бы Делла не говорила своим грязным ротиком, реакция тела не обманет.

Проверил, блять. Стало только хуже.

— А кто-то уже гото-о-ов, — мурлычет Селин, забираясь рукой под боксеры. — Такой ненасытный... Ты ночью, как с цепи сорвался, и сейчас, вижу, не против продолжить.

Схватив тонкую кисть, закидываю руку Селин за голову и нависаю сверху, подминая стройное тело под себя. Светловолосая моментально раздвигает ноги, впиваясь восхищённым взглядом.

Таким, которым Ада не смотрела на меня никогда.

Адалин

Чувство вины за тот срыв с Джоном в лифте преследует сутки напролёт. При каждом удобном случае воспоминания накрывают с головой, заставляя вернуться в то мгновение, когда Грей страстно прижимал меня к себе и целовал.

Честно, я бы очень сильно хотела забыть его и наш поцелуй, но не получается. Я помню каждую мельчайшую деталь. Кажется, что до сих пор ощущаю вкус его губ, требовательные прикосновения и неопиcуемый трепет до дрожи в коленках.

Думаю, я буду гореть за это в аду.

Естественно, Алекс заметил перемену во мне едва ли не сразу, как я села к нему в машину.

— Ты пила? — поинтересовался он, уставившись удивлённым взглядом.

— Это проблема? — скрестив руки на груди, сухо уточнила я.

— Нет, просто обычно ты отказываешься от алкоголя. Всё в порядке?

— Всё прекрасно! Можем мы уже поскорее уехать отсюда, пожалуйста? — практически взревела я, стараясь не смотреть на здание, но взгляд всё же жадно скользнул по фасаду, когда мы отъезжали.

Часть дороги прошла в гнетущей тишине. Парень выглядел расстроенным или потерянным сложно было разобрать из-за количества выпитого вина. А ещё было не до этого: меня разрывало от вопросов, касающихся Джона. Он игнорировал меня весь вечер, делал вид, что я для него пустое место! Так зачем же согласился на просьбу Артёма и собирался отвезти домой?

Из-за злости на Грея я не могла сосредоточиться ещё и на чувствах Алекса. Правда, стыд за резкое и грубое поведение в какой-то момент всё же подкрался, накрыв с головой. Стало противно от собственной кислой мины в отражении. А ещё я ловила себя на мысли: что было бы, поезжай я тогда с Джоном в Нью-Рошелл?

— Спасибо, что согласилась, — в тысячный раз повторяет Сара, заставляя вынырнуть из воспоминаний. — Я бы не справилась без тебя.

— Как будто у меня был вариант отказаться, — не сдержавшись, закатываю глаза, на что сноха хитро хихикает.

Вчера миссис Князева огорошила очередной просьбой в телефонном разговоре. На этот раз будущей мамочке потребовалось, чтобы я съездила вместе с ней в клинику на экскурсию и для оформления бумаг, а именно плана родов с участием доулы.

Ох уж эти причуды богатых.

— Предлагаю потом пообедать вместе, — родственница берёт меня под ручку, проходя в холл клиники.

На миг дыхание сбивается от блеска безупречного мраморного пола, приглушённого света и витающей в воздухе умиротворённости.

В такое местечко Артём обещал меня устроить, если я соглашусь?

— Если ресторан будет менее пафосным, чем эта клиника, то я согласна, — цокаю, слегка покачав головой, на что Сара в очередной раз смеётся.

— Твой брат выбрал, я тут ни при чём. Меня саму это всё поначалу смущало, — искренне делится брюнетка, медленно шагая. — Но, как говорится, к хорошему быстро привыкаешь.

Как и полагается в дорогуших медицинских центрах, у ресепшена нас уже ожидает молодая девушка-координатор в идеально выглаженном светлом костюме.

— Добрый день, миссис Князева. Мы ждали вас, — на её лице красуется мягкая и вежливая улыбка, располагающая с первого взгляда. Девушка коротко кивает и мне, прежде чем снова сосредоточиться на Саре: — Это ваша сопровождающая?

Как обычно, в самое неподходящее время мне хочется приснуть от смеха. Так смешно слышать со стороны русскую фамилию Князева с американским акцентом.

— Да, это моя сестра, — не моргнув и глазом отвечает Сара, сделав лёгкий жест рукой в мою опешившую сторону. — Я хочу, чтобы она присутствовала на родах.

Сестра? На секунду даже тянет ущипнуть её зачем врѣшь? Но потом доходит: Сара ведь уже говорила, что относится ко мне не просто как к золовке. И сейчас, позволив быть рядом в самом важном деле, показывает, что действительно считает меня близкой родственницей.

— Прекрасно, — координатор, с именем Мелания на бейджике, отмечает что-то у себя в планшете. — Тогда давайте я проведу вас по отделению, а потом вы сможете подписать документы.

Итак, нам устраивают небольшую экскурсию. Мелания показывает предродовые палаты: просторные комнаты, мягкие кресла, фитболы у стены. Всё обустроено на высшем уровне, что становится немного завидно.

Далее мы перемещаемся в родильный блок. Там всё стерильно, но не пугающе по крайней мере, для меня. Сара с лёгким ужасом смотрит на кровать, на что я успокаивающе кладу ладонь на её спину.

— А неонатолог всегда дежурит здесь, в отделении, или его вызывают по необходимости? — задав этот вопрос, я ловлю себя на мысли, что, возможно, при Саре не стоит обсуждать подобные вещи, но не уверена, что у меня ещё представится возможность. Не во время же родов устраивать допрос?

— Неонатолог входит в состав нашей постоянной команды, поэтому никаких ожиданий или вызовов из других корпусов не бывает. Он дежурит круглосуточно, — заготовлен-

ным тоном рассказывает Мелания.

— Если возникнет осложнение, допустят ли меня остаться рядом, пока состояние стабилизируют, или сопровождающего выводят? — подхожу к самой животрепещущей теме.

Я искренне надеюсь, что ничего из этого не произойдёт, но роды вещь непредсказуемая, и я должна быть уверена в безопасности Сары и малыша.

Наверное, это глупо. Артём выбрал лучшие условия для жены, но сидящая внутри меня акушерка не может молчать.

— Если ситуация не угрожает вашей безопасности, вы сможете оставаться рядом, — Мелания профессионально выполняет свои обязанности, не моргнув и глазом.

В нашей больнице за такие вопросы уже давно бы послали, не собираясь тратить драгоценное время на подобные вещи. В этом и есть отличие дорогущей навороченной клиники от обычной, для простых смертных.

Стоявшая всё это время рядом Сара вдруг оживает и задаёт, похоже, самый волнующий её вопрос:

— А можно будет музыку включить? Я бы хотела, чтобы было... ну, как-то менее напряжённо.

— Конечно, — улыбается координатор, а я отворачиваюсь в сторону, сдерживая рвущийся наружу смех. — Вы можете самостоятельно подобрать плейлист, если вас не устроит наш.

После обсуждения всех животрепещущих тем мы возвращаемся в небольшой, но уютный кабинет преимущественно

в светлых тонах, как и всё здание. На столе уже разложены необходимые документы.

— Здесь укажите имена сопровождающих, — говорит Мелания, водя наманикюренным пальцем по бумагам.

Сара вписывает моё имя и все необходимые данные, включая адрес проживания и сотовый номер телефона. Дальше сноха быстро ставит подпись, бумаги складывают в папку, а нам выдают пластиковые карты. На моей крупно написано: «Сопровождающая».

— Ну вот, мы ещё на шаг ближе ко встрече с Князевым младшеньким, — произношу я на русском, когда мы, попрощавшись, двигаемся к выходу.

— Дороги назад нет, — на эмоциях произносит брюнетка, подняв взбудораженный взгляд. — Кстати, насчёт дороги... Не хотела тебе заранее портить настроение, но ты не против, если пообедать нас отвезёт Джон?

— Что? — остановившись прямо посреди помещения, непроизвольно выпучиваю глаза. — Почему он?

— У Артёма появились срочные дела, и он попросил Ванечку позаботиться о нас, — на фальшивом имени Сара показывает в воздухе кавычки.

Внутри всё ухает от одного только представления, что мне снова придётся провести время в компании мафиози.

— Извини, но нет. На это я не подписывалась, — сделав шаг назад, отрицательно мотаю головой. — О таких вещах нужно предупреждать заранее. Я не собираюсь тусоваться с

Греем.

— Делла, ну пожалуйста, — умоляющим тоном просит она. — Что, чёрт возьми, такого между вами произошло, что ты его не перевариваешь?

Поставленный в лоб вопрос заставляет меня непроизвольно усмехнуться. То есть она прекрасно понимает мои чувства, но тем не менее продолжает сталкивать нас с Джоном.

— Зачем вы всё это устраиваете? Какого чёрта Артём тогда отправил этого придурка отвозить меня, если прекрасно знал, что за мной уже едут? — голос срывается сам собой, и медсёстры, проходя мимо, бросают косые взгляды. — К чему весь этот цирк? Мне не пять лет. И сейчас мы вполне можем справиться без навязанного «родственника».

— Артём ничего подобного не делал, — отвечает сноха, уставившись на меня, как на умалишённую. — После того как ты ушла, Джон сам заявил, что отвезёт тебя лично мол, дураков на дорогах хватает.

— А Селин? — ошарашенно выдавливаю я, шокированная новостью.

То есть Грей меня обманул? Артём не просил его?

Но зачем?

— Она тоже удивилась, но проблем не возникло. Подружка Джона за рулём.

У нашей куклы Барби ещё и машина есть? Ну да, она же не неудачница Адалин Суарес, не способная заработать себе на автомобиль.

— Пообедаем в другой раз, — без зазрения совести я намереваюсь бросить Сару в клинику. Вот пусть Джон составит ей компанию, а затем отвезёт домой только без моего участия.

— Ты уверена? — в голосе слышится лёгкая просьба задержаться, будто она ещё надеется, что я передумаю.

Поцеловав сноху в щёчку, я всё же прощаюсь и, перехватив её грустный взгляд, спешу к дверям, ведущим на улицу. Хочется убежать как можно быстрее лишь бы не столкнуться с названным братцем.

Из-за спешки стоит шагнуть за порог, как я спотыкаюсь на ровном месте и чуть не растягиваюсь во весь рост. Я не успеваю даже выругаться всё происходит слишком быстро. И если бы не крепкие руки, перехватившие меня за талию, я бы уже познакомилась носом с дорогим мраморным покрытием.

— Спасибо, — выдыхаю автоматически, но стоит взгляду подняться выше, как сердце пропускает волнительный удар, и губы сами выдают: — Чёрт... Грей!

Глава 8

— Обычно женщины рядом со мной кричат: «О Боже, Грей», а не «Чёрт, Грей», — ухмыляется Джон, бесстыдно разглядывая меня.

Я, как дурочка, продолжаю стоять в его крепких объятиях, не дающих вырваться. По-хорошему, надо бы что-то сказать, а ещё лучше освободиться и послать этого фальшивого родственника к чёрту. Но, к своему ужасу и стыду, оказавшись так близко к мафиози, я замираю на несколько долгих секунд, будто парализованная.

Это и есть ступор?

Почему я, как загипнотизированная, тону в его глазах и мечтаю продлить каждую секунду? Почему именно в этот момент напрочь забываю, что собиралась бросить сноху и сбежать, лишь бы не столкнуться с Греем? Что не хотела его видеть и смертельно злилась на Сару вместе с её ненаглядным мужем?

Мир вокруг исчезает, остаётся только бешено колотящееся сердце и эти красивые глаза напротив.

— Земля вызывает Аду, — насмешливо произносит Грей. — Так сильно соскучилась, что сходу решила прыгнуть в объятия?

И тут я, словно по щелчку, вынырываю из странного тран-

са, быстро и часто моргая.

— Лапы свои убери, — окончательно приходя в себя, резко дёргаюсь, сбрасывая его руки с талии и неуверенно отступаю назад. Нервно встряхнув головой, делаю несколько равных вдохов, пытаюсь собрать мысли в кучу.

— Вот она, чёрная неблагодарность, — протягивает Джон в типично раздражающей манере.

— Ой, слушай, — вскинув ладонь вверх, я как бы перебиваю мафиози, не давая закончить речь. — Прибереги пафос для кого-нибудь другого.

— Злая девочка, — обнажив белоснежный оскал, лже-Иван наклоняет голову чуть набок. Его явно забавляет моё поведение.

— Не называй меня так! — топнув ногой, честное слово, я действую на инстинктах. Сама не понимаю, откуда во мне берётся столько агрессии, но я замахиваюсь.

Жизнь ничему не учит Адалин Суарес: вместо того чтобы вспомнить, как в прошлый раз Грей едва не размазал меня о стенку лифта за пощёчину, я снова лезу испытывать его терпение.

Однако на этот раз Джон не даёт довести дело до конца резко перехватывает руку и рывком притягивает меня к себе.

— Как хочешь, чтобы называл? — горячее мужское дыхание опалает кожу, и я зажмуриваюсь, не желая поддаваться соблазнительным чарам.

— О, вы всё-таки столкнулись! — голос Сары, прозвучав-

ший за моей спиной, обрушивается, как гром среди ясного неба, заставляя врасплох. Как ужаленная, я вырываюсь из захвата Грея, отскакиваю в сторону и разворачиваюсь к снохе.

— К сожалению, — цежу, бросая недовольный взгляд на стоящего рядом. — Но я уже ухожу.

Брюнетка останавливается напротив, подозрительно оглядывая то меня, то Джона. Она не глупая, и я боюсь, что уже давно догадалась: наши отношения далеко не ограничиваются связкой «бывший медик пациент».

— Джон, ну хоть ты ей скажи! — поправляя сумку на плече, сетует Сара. — Делла наотрез отказывается пообедать с нами.

— Мы ей не компания, Кобра, — холодно отсекает Джон. Прозвище, которым он обращается к жене брата, заставляет невольно глянуть на мужчину. Тоже мне, мастер давать погоняла!

— Не «мы», а конкретно ты, — произношу нарочито милым голоском, скрестив руки на груди.

Я не собираюсь скрывать свою неприязнь (дословно: обиду и ревность). И уж точно не планирую играть роль добродушной родственницы. После того как в лифте он нагло бросил, что ему плевать, с кем спать, Грей для меня упал ниже плинтуса.

«Сегодня ты, завтра она. Какая разница?» Придурок.

— Ну хватит вам! — Сара устало выдыхает, закатывая глаза. — Давайте уже зароем топор войны и спокойно пообе-

даем.

— Я никуда с ним не поеду, — цокаю языком, ясно давая понять, что решение окончательное. И, похоже, перестаю скрывать от Сары свои чувства.

— Ну, давай. Позже созвонимся, — шагнув к снохе, целую её пухлую щёчку, а в голове уже выстраиваю маршрут, как добираться домой в Нью-Рошелл.

— Не сомневался, что у тебя не хватит духу просидеть со мной в одной компании больше пяти минут. Легче сбежать, да, *Ада*? — небрежно брошенное в спину братцем Иваном буквально заставляет меня задохнуться от возмущения.

— Ты слишком высокого мнения о себе, — оборачиваюсь и цежу сквозь зубы, сжимая ручку сумки сильнее положенного.

— Короче, забей, Кобра, пусть идёт куда собиралась, — обращается он к Саре так, будто меня рядом вовсе нет. — Делла у нас девочка нежная, вдруг разговором обидим.

Словами не описать, какой мощный ураган поднимается в моей и без того раненной груди. Гнев, смешанный с уязвленным отрицанием. Какого чёрта он позволяет себе такой пренебрежительный тон по отношению ко мне?

— А знаешь что? Я с удовольствием составлю вам компанию! — расплываюсь в фальшивой улыбке и обращаюсь к Саре, намеренно игнорируя надменную рожу родственника.

О том, что попалась на его грязную манипуляцию, я понимаю уже по пути в ресторан. На холодную голову мозг снова

и снова прокручивает диалог, и становится ясно: Джон искусно обвёл меня вокруг пальца, вынудив действовать назло.

Мчась в навороченном внедорожнике, я готова двинуть себе за тупость. Или, ещё лучше, выпрыгнуть на полном ходу. Ну как я могла? Как?!

Мы с Сарой сидим сзади, и всё бы ничего, но именно я оказываюсь прямо за водительским сиденьем. Стоит ли говорить, сколько усилий уходит, чтобы не обращать внимания на мужской взгляд из зеркала заднего вида? В остальном, кроме самобичевания и того, что Грей откровенно пялится, поездка проходит терпимо.

К моему сожалению, двоюродный братец Иван водит отлично, и до ресторана мы добираемся за рекордные сорок минут, несмотря на трафик.

— Устроился водителем? — не удерживаюсь от колкости, когда Джон открывает дверь и протягивает руку, чтобы я выбралась.

В отличие от меня, Сару встречает мужчина в классическом костюме как и положено в подобных местах.

— Для тебя исполню любую роль, Красивая.

Красивая. Он называл меня так в прошлой жизни...

— Исполни для Селин. Уверена, она оценит, — отстраняюсь и, проигнорировав его ладонь, уверенно ступаю на асфальт, направляясь ко входу.

Внутри нас встречает девушка в строгом чёрном платье, облегающем её идеальную стройную фигуру. Она выглядит

роскошно: безупречный макияж и пшеничные волосы, уложенные в длинный хвост.

— Добрый вечер. На чьё имя бронировали столик?

— Иван Князев, — спокойно отвечает Джон, а я едва ли удерживаюсь не прыснуть от смеха.

Хостес кивает, проверяет планшет и лёгким жестом приглашает следовать за ней. Джон держится уверенно, а вот меня немного потряхивает от пафоса вокруг.

У стола мафиози, конечно, первым делом отодвигает стул для Сары. Та благодарит лёгким кивком, привычно и без смущения. Я же, пока он демонстрирует свою галантность, нарочно сама устраиваюсь на соседнем стуле, даже не дожидаясь ни намёка на помощь. Перебыюсь.

— К вам сейчас подойдут, — произносит девушка и оставляет нас под опеку как раз подоспевшего официанта.

— Добрый вечер. Могу предложить вам карту вин или сначала воду? — парнишка аккуратно кладёт меню на стол.

Я незаметно кошусь на Джона. Разумеется, он берёт всё под контроль, не дав нам и слова вставить. Заказывает напитки и закуски.

А у меня на лице сама собой появляется улыбка, стоит взглянуть на ту самую карту вин. Я принимаюсь лениво просматривать список, и чем дальше, тем смешнее: цены растут в геометрической прогрессии. За такие деньги можно было бы купить подержанную машину!

Боже, кто собирается за это оплачивать? Ясное дело, не

я. С таким видом хозяина положения пусть выкладывается сам Грей.

— Для меня бокал Château Margaux 2010, — отчётливо произношу, невинно выделяя название и год.

— Женский алкоголизм не лечится, ты же в курсе? — невозмутимо бросает Джон, не отрывая взгляда от страницы в его руках.

— А может, я хочу напиться так, чтобы твоя рожа была размыта перед глазами?

Сидящая по правую сторону Сара то ли давится, то ли пытается подавить смешок, не забыв при этом пнуть меня по ноге в своей излюбленной манере.

— В таком случае одним бокалом ты не обойдёшься, — тот же спокойный и размеренный баритон.

— Уверена, ты можешь себе позволить угостить меня парочкой.

В общем, официант терпеливо выжидает, пока мы определимся с основными блюдами и закончим препираться друг с другом. Сара почти сразу называет салат и суп явно тянется к чему-то простому и близкому к домашней еде. Я же, особо не вникая, тыкаю пальцем в первое попавшееся название, не удосужившись прочитать.

— Стейк средней прожарки. И обойдусь без алкоголя. За рулём, — добавляет Джон, возвращая меню парню.

— Отличный выбор, — кивает тот, быстро фиксируя заказ в планшете. — Ваше вино принесут в течение несколь-

ких минут.

Сдержанный поклон и парнишка растворяется между столиками. Я же украдкой поглядываю на Грея. Ну надо же, какой правильный: за рулём он. Прямо образцовый гражданин, куда бы деться.

— Как прошёл приём? — похоже, искренне интересуется Джон, обращаясь к Саре.

Устал от моих токсичных ответов и захотел нормального общения? Хм, осуждать не буду.

— Делла задавала кучу страшных вопросов, — делится сноха, ударяясь в подробности. Она рассказывает Грею всё, что можно и нельзя, словно они лучшие друзья.

Вот дёрнул меня чёрт заявиться с ними сюда. Лучше бы поехала домой и пообедала остатками вчерашней пасты. В тишине и уютной обстановке, под «Сумерки». А не сидела бы сейчас, чувствуя себя не в своей тарелке.

— Так что я в надёжных руках, да, Адалин? — окликает Сара, и я понимаю, что прослушала часть разговора.

— Совершенно верно, — киваю, догадываясь, что речь идёт о присутствии в роли доулы на родах. — Я сделаю всё, что в моих силах, чтобы племянник появился на свет целым и невредимым.

Почему-то в этот миг особенно хочется поддержать Сару. Это её первые роды, и страшно даже представить, что творится у неё внутри. Незнание пугает сильнее самого процесса.

Жена брата тем временем благодарно сжимает мою ладонь под столом. Уверена: будь мы в другом месте, она наверняка дала бы волю слезам.

— Пора бы уже и своих завести. Вы как, не планируете с Алексом? — трогательный момент прерывает никто иной, как бестактный Джон Грей ака Иван Князев.

Глянув на мафиози, ловлю себя на мысли, что хочу задать вопрос в лоб: ты больной? Это что за идиотские намёки?

К сожалению, здравый смысл подсказывает не впутывать Сару в наши разборки и держать язык за зубами.

Не реагируй на его выпады, Адалин. Делай вид, что тебе безразличны все выходки этого засранца.

— Кому надо, пусть тот и заводит, — огрызаюсь, не скрывая нарастающего раздражения. — Вы как, не планируете с Селин? — повторяю его же фразу, сместив, так сказать, фокус.

Адекватность это не про потомков Князевых. Вообще ни разу.

— Активно над этим работаем, — бросает ответку Грей.

Проглотив волну обиды или лёгкого укола, я делаю вид, что всё в порядке. Меня ни капли не волнует его личная жизнь. И с кем спит Джон тоже не волнует.

Поэтому в груди защемило? — ехидно подмечает внутренний голос. — И поэтому ты сжимаешь пальцы в кулак до побеления костяшек?

Дальнейшая речь Джона и их разговоры с Сарой пере-

стают меня интересовать. Когда официант приносит заказ, я окончательно улетаю в свой уютный мир психа-одиночки, откуда изредка выглядываю, чтобы без энтузиазма ответить на чей-то вопрос.

Несколько бокалов неприлично дорогого вина оправдывают себя, мягко ударяя в голову. В процессе, пока напиваюсь, я ловлю себя на мысли, что ещё пара встреч с Греем и точно сопыюсь.

Меня абсолютно не волнует, что Алекс снова начнёт задавать странные вопросы. Пофиг, как в таком лёгеньком и весёленьком состоянии доберусь домой. Сейчас я наслаждаюсь божественными ravioli, запиваю их изысканным вином и пусть весь мир подождёт.

И мысли о Джоне с Селин, о том, как они «активно работают» над рождением ребёнка, не волнуют.

Хотя нет, тут совру.

Фантазия то и дело подкидывает неприятные картины, как они лежат в одной постели... и не только лежат. Селин стонет, подмятая под мощной фигурой Джона. Он ласкает её так, как делал это со мной. Правда, Селин, в отличие от меня, нормальная, полноценная женщина, способная подарить ему всю себя целиком и полностью.

Я не хочу об этом думать, но периодически вынуждена, ибо от собственной головы не сбежишь.

— Классно же посидели, — протягивает Сара. Мы выходим под руку из злосчастливого ресторана, наконец закончив

обед. Грей, естественно, идёт впереди, разговаривая с кем-то по телефону. — Я рада, что ты поехала с нами. Давай повторим на днях уже вдвоём?

— При условии, что ты не устроишь очередной фокус с появлением этого типа, — киваю в спину Ванечки, нарочно говоря по-русски, чтобы он не понял.

На улице перед нами распахивается дверь внедорожника, и я уже собираюсь помочь Саре забраться внутрь, когда внимание привлекает визг шин и резко затормозивший у ресторана чёрный спорткар.

Мне и смотреть лишний раз не нужно: и без этого понимаю, кто приехал. Эту отвратительную манеру вождения я узнаю из тысячи ведь у меня самой такая же.

И научил меня ей тот самый Артём Князев, который выходит из машины.

Глава 9

— Только тебя для полного счастья не хватало, — тихонько бурчу себе под нос, глядя на приближающегося старшего брата.

Странно, но под действием вина я превращаюсь в смелую версию Адалин Суарес. Всё то, чего мне так не достаёт в повседневной жизни, вырывается наружу, стоит лишь оказаться под градусом.

Нерешительность, трусость и неуверенность растворяются, уступая место дерзости и абсолютной раскованности.

Поцеловав жену в лоб и ласково обняв её за округлившуюся талию, Артём насмешливо обращается ко мне:

— Обниматься не предлагаю, знаю, что откажешься.

— Такой проникательный, — с иронией замечаю я, наблюдая, как они обходятся с Джоном парой кивков, словно уже встречались сегодня.

К своему ужасу, я понимаю, что язык слегка заплетается и это, конечно, не ускользает от внимательного взгляда Арта.

— С каких пор ты так часто бухаешь? — не церемонясь, грубо бросает Артём.

Брат вскидывает брови и с лёгким налётом брезгливости оглядывает меня с головы до ног. Мол, во что ты превратилась?

Почему все вокруг считают, что имеют право обращаться со мной, как с безвольной зверушкой? С какой стати Артёма вообще должно волновать, как я живу?

Он знает, что творится у меня внутри? *Нет.*

Хоть раз поинтересовался тем, что я чувствую? *Нет.*

Попытался наладить контакт не через контроль и наблюдение, а приехал, сел напротив и по-человечески спросил, как мои дела? *Нет.*

Захотел искренне восстановить отношения с единственной сестрой без угроз, без манипуляций? *Нет.*

И, пожалуй, дальше можно даже не размышлять о том, на что Артём имеет право, а на что нет.

— С каких пор тебя это колышет? — парирую, кивнув ему в тон. Я намеренно зеркалю быдловатую манеру Артёма его это всегда бесит, а мне доставляет непередаваемое удовольствие. — Мы вообще друг другу никто.

— Базар фильтруй, — предупреждающе цедит Артём, сделав шаг в мою сторону.

По-хорошему, стоит отступить и не устраивать разборки, но что поделать сегодня у меня скверное настроение.

— Иначе что? Что ты мне сделаешь? Ударишь? — да, я его провоцирую. Без понятия, зачем, но душа требует скандала. Мне просто необходимо на ком-то сорваться, и вспыльчивый Артём идеальный вариант. — Ну давай, покажи, какой ты крутой.

Инстинкт самосохранения отключается, и мне наплевать,

что Джон свидетель происходящей перепалки. Сара-то уже привыкшая, ей не впервой.

— Делла... — брат закипает не по-детски. — Завали хлеборезку, иначе будут проблемы.

На его шее вздуваются вены от сдерживаемого гнева. Возможно, самое время остановиться, но я только сильнее завожусь. Сара удерживает мужа, но вряд ли это поможет, если он решит устроить воспитательный процесс.

— Что, Делла? — передразниваю я, наклоня голову набок. — Чего ты вечно ко мне цепляешься? Лезешь? Я свободный человек, вбей это в свою голову! — сама того не замечая, срываюсь на родной язык. Ругаться по-русски отдельное удовольствие: слова звучат грубо и красиво.

Похоже, я окончательно сошла с ума.

Артём делает шаг вперёд, предупреждая выставляя палец. На миг я сжимаюсь, представляя, что он схватит меня за шкуру или влепит пощёчину.

— Поехали, — неожиданно для всех Джон хватает меня за кисть и тащит к своему автомобилю. — Я отвезу её домой, — спокойно бросает он Артёму, но выражения его лица я уже, к сожалению, не вижу.

— Я с тобой никуда не поеду, — упираюсь, пытаюсь вырвать руку, застыв перед распахнутой дверью чёрного «Рендж Ровера».

— Чёрт, Ада, ты серьёзно хочешь, чтобы я дрался с твоим братом, если он тебя тронет?

— А ты можешь? — мои глаза удивлённо округляются.

Я ненормальная, да? Разве адекватного человека может привести в экстаз мысль о чьей-то драке?

Пока я застреваю на этом вопросе, Джон уже буквально запикивает меня во внедорожник. Бросив пару фраз Князеву-старшему (слов я не различаю, только слышу их голоса из приоткрытого окна), Грей садится за руль.

— Не думаю, что ты восстановился на все сто процентов, чтобы затевать драку, — размышляю вслух. Подавшись вперёд, кладу руки на спинку водительского сиденья и опускаю подбородок сверху, почти касаясь крепкого плеча. — Как вообще себя чувствуешь?

Честно говоря, сама не понимаю, что со мной творится. В голове я бьюсь в истерику от собственных выходов, но тело не слушается. И язык, несущий чепуху, тоже. Успокаиваю себя мыслью, что всему виной выпитый алкоголь именно он превращает меня в биполярную психопатку.

— Когда ты ведёшь себя не как сука, то охерительно чувствую, — наконец произносит Джон после долгой паузы, слегка поворачивая голову в мою сторону.

От этого движения наши лица оказываются на непозволительно близком расстоянии. Ради приличия я должна бы отодвинуться, но сижу неподвижно. Лишь задерживаю дыхание, стараясь дольше удержать в лёгких аромат его парфюма.

— Значит, ты зависишь от моего настроения? — и почему-то мой голос звучит не ядовито, а с предательской ноткой

кокетства.

— Завишу от тебя.

— Смешно-о-о! — довольная, я расплываюсь в идиотской улыбке и на несколько секунд прикрываю глаза.

Я едва не мурлычу, словно кошка, добравшаяся до сметаны.

— Надо чаще тебя спаивать, — усмехается Джон, а я ощущаю, как его губы растягиваются в улыбке и на лице проступают лёгкие морщинки.

— Странно, но мне сейчас хорошо, — шепчу искренне, хотя, наверное, не стоит делиться подобными вещами. — Нет никаких переживаний и забот. Бесконечных мыслей и тяжёлых воспоминаний...

— Поделишься? — серьёзно прозвучавший вопрос заставляет меня всё-таки открыть глаза и мгновенно столкнуться с Греем в зеркале заднего вида.

— Ты последний человек на этой планете, с кем я стала бы делиться личным, — выдыхаю, но не добавляю, что причина одна: он и есть один из моих главных секретов.

— Да я, походу, вообще в целом последний человек для тебя.

— Это не так! — возмущаюсь, встrepенувшись. — Ты где-то между противным коллегой с работы и ненормальным соседом, поливающим газон в три часа ночи. То есть не такой уж и последний.

Салон автомобиля заполняет мужской смех. Такой живой

и родной. Он звучит для меня, как что-то давно забытое из прошлого. И из-за этого в груди начинает ломить от тоски. Полгода я не слышала, чтобы Джон смеялся от всей души и по-настоящему. Не думала, что скажу, но я скучала даже по его смеху.

— У тебя нет таких соседей, — успокоившись, наконец произносит лже-Иван. Внимание мафиози сосредоточено на дороге, поэтому он не может видеть, что я застываю, перестав моргать.

— Ты ведь не спросил адрес, — губы еле шевелятся, когда я медленно перемещаю взгляд на шоссе, ведущее в Нью-Рошелл.

Оттолкнувшись от водительского сиденья, возвращаюсь на место, вжимаясь в спинку кресла. Каждая мышца в теле напрягается можно подумать, я оказалась в замкнутом пространстве с маньяком.

— Адрес? — переспрашивает мужчина, будто не догоняет, о чём речь.

Сердце автоматически ускоряет бег от проскочившей в голове страшной мысли.

— Ты... следишь за мной вместо Артёма? — спрашиваю на одном дыхании, едва ко мне приходит озарение.

Слова рвутся сами, забегая вперёд мыслей.

И всё встаёт на свои места. Вот почему он тогда в лифте нёс этот бред про Алекса и его благородство! Вот откуда он знает, где я живу поэтому едет без навигатора. Вот почему

так уверенно говорит про соседа...

Джон не отрицает, не пытается оправдаться. Только поднимает на меня в зеркало серьёзный взгляд, пару секунд обдумывая, стоит отвечать или нет.

— Да.

И мой мир рушится. Он разлетается на тысячи мелких осколков от предательства. Задыхаясь от происходящего кошмара наяву, я делаю несколько рваных вдохов, борясь с удушьем.

— Останови, — меня не на шутку потряхивает. Я мечусь глазами по сторонам, как загнанный зверёк, и тыкаю в кнопку, желая открыть окно, но оно не поддаётся. Тогда берусь за ручку и тяну, сама не понимаю, что творю.

«Рендж Ровер» тем временем несётся, нарушая все скоростные режимы, и, естественно, двери заблокированы.

— Останови проклятую машину. Останови, сказала! — истерика накрывает меня, выключая здравый смысл. Я визжу на весь салон, то дёргаю дверь, то осыпаю плечи Джона ударами. — Я выпрыгну на ходу! Мне терять уже нечего, Грей!

Несмотря на мракобесие, что творится внутри, только напряжённая линия его плеч выдаёт: спокойствие Джона напускное. И всё же автомобиль с визгом шин резво сворачивает вправо и влетает в карман для экстренной остановки.

— Ненавижу! — захлёбываясь эмоциями, я буквально выпрыгиваю наружу, едва не потеряв равновесие.

Горячий воздух обжигает лёгкие, но дыхание сбивается, и я срываюсь вперёд. Мне наплевать, что это оживлённое шоссе, где машины проносятся со всех сторон. В ушах стоит гул, сквозь который пробиваются сигналы клаксонов. Ветер хлещет в лицо, путает волосы, глаза слезятся, но я не останавливаюсь.

Он следит за мной. Джон следит за мной!

Зачем?!

Сердце колотится так, будто вот-вот выпрыгнет наружу. Меня бросает из стороны в сторону, ноги подкашиваются, но я всё равно бегу, пока кто-то резко не отдёргивает назад, оттаскивая ближе к обочине.

— Ты что, мать твою, творишь?! — рычит Джон над ухом, удерживая меня так, что в области рёбер невыносимо давит.

Мафиози разворачивает моё трясущееся тело, схватив за плечи, и несколько раз встряхивает с такой силой, что голова едва не слетает с плеч.

— Дура! Какая ж ты дура!

Горячие слёзы заполняют глаза, размывая разгневанное лицо Грея. Он кричит, говорит что-то про безопасность и мою безрассудность.

— Давно? — единственное, что могу выдавить сквозь сотрясающие грудную клетку рыдания.

Меня терзает лишь один вопрос: как давно он или его люди ведут слежку.

— Сразу, как переехал.

— То есть ты месяцами следил за мной? Знал каждый шаг и ни разу не появился?

Я уже не разбираю, что больше: то, что Джон вторгся в мою жизнь и знал обо мне всё... или то, что при этом не захотел встретиться лично?

— А должен был? — мужские ладони сжимаются сильнее.

— Зачем? Я для вас что, игрушка? Социальный проект какой-то? — срываюсь на крик прямо ему в лицо. — Ты ублюдок, Грей!

Глаза жжёт от слёз, горло саднит от криков и рыданий, но сильнее всего душевная боль...

— Успокойся, — Джон принимается волочить к машине, не обращая внимания на то, что я бьюсь и вырываюсь. Один раз удаётся освободиться и сделать несколько шагов в противоположную сторону, но в итоге он снова хватает меня и ведёт к внедорожнику. — Я сказал, блять, успокойся!

— Я ждала тебя! — выкрикиваю в порыве, и это самое страшное признание. — Сгорала изнутри! А ты... Я не хочу тебя знать! Будь ты проклят, Грей, будьте вы все прокляты, чёртовы извращенцы!

Вдруг Джон останавливается около машины. Похоже, пылко брошенная фраза выбила его из колеи: мафиози вглядывается в моё лицо так пристально, что хочется провалиться сквозь землю или перестать существовать.

Словно для Грея мои слова стали настоящим откровением...

От его странной реакции внутри поднимается страх, я дёргаюсь, делаю очередную попытку сбежать прочь, но фальшивый братец лишь сильнее сжимает, обвивая руками, как стальными оковами.

Или, может, это игра моей разгорячённой алкоголем фантазии, и он просто застыл от проклятий?

— Ты мне противен! Убери свои грязные лапы!

Ложь. Чертовски грязная ложь, и Джон это прекрасно понимает.

— Ты можешь врать себе, но меня не обманешь, — хрипотца в его голосе заставляет сделать волнительный кульбит в моей груди.

Как в замедленной съёмке я вижу, как властные губы мафиози обрушиваются на мои с диким, почти животным поцелуем.

Во мне что-то взрывается: яркая вспышка, будто из груди выплёскивается вся накопившаяся тоска, злость, жажда. Я ловлю себя на том, что подсознательно ждала этого, давно была готова.

Эмоции накрывают шквалом, лишая всякого контроля.

Не в силах сопротивляться, я обмякаю в его руках, забыв обо всём на свете. Слёзы скатываются по щекам, попадают на губы и смешиваются с мятной горечью мужского дыхания.

Из горла вырывается стон предательский, полный капитуляции. Похоже, именно этот звук сводит Грея с ума: он рычит и, похоже, слегка не рассчитав, толкает нас, от чего я

ударяюсь спиной о холодный металл внедорожника.

— Чёрт, прости, малышка, — хрипит он, тяжело дыша.

— Заткнись, — на этот раз я уже сама тянусь, требуя продолжения.

Болтающееся на мне платье кажется слишком тонким, предательски прозрачным. Лямки сползают с плеч, юбка сминается, задираясь, но это уже мало волнует. Я обнимаю Джона за шею, хочу сплести тела воедино, стереть расстояние между нами.

— Прикоснись ко мне... — прошу в порыве, стоит оторваться от манящих губ. Голос дрожит, пальцы судорожно сжимают светлую рубашку. — Пожалуйста, Джон... прикоснись.

И он касается. Жадно, яростно.

Грей скользит ладонью по бедру, обжигая кожу своим напором. Пальцы пробираются выше, под платье, цепко обхватывают ногу. Сжимают её так сильно, что боль граничит с диким удовольствием.

Жар от мужского тела сводит с ума, и, если бы не холодный металл машины, боюсь, я сгорела бы заживо.

— Иногда я хочу тебя прикончить, — Джон кусает за мочку уха.

Волна удовольствия стремительно спускается вниз. Дикое желание накрывает целиком, лишает рассудка и здравого смысла. В груди становится тесно, дыхание рвётся наружу, а каждая клетка требует большего.

В памяти, словно нарочно, всплывает та ночь на Аляске как мне было с ним хорошо, как Джон довёл меня до самого края и показал, что значит быть настоящей женщиной.

И теперь всё повторяется только ярче, безумнее.

С ужасом и одновременно с восторгом я осознаю, что тело предаёт целиком и полностью: соски болезненно твердеют, ткань платья трётся о них, заставляя задышаться от остроты ощущений. Бёдра позорно дрожат, а пульсация между ног кажется невыносимой, и это сводит с ума.

Уловив моё состояние, мафиози блуждает руками по дрожащему телу. Одной рукой сжимает грудь сквозь тонкую ткань, а второй ягодицу. И слава богу, что мы стоим с противоположной стороны машины от обочины, и нас не видят проезжающие. Представляю, какое шоу они пропускают.

— Джон... — нащупываю ручку двери и тщетно пытаюсь открыть. Конечно, с моей позиции это невозможно, но Грей снова считывает всё без слов.

Пара секунд и я уже в салоне, а он, устроившись на заднем сиденье, тянет меня к себе и усаживает верхом.

— Иди сюда, бестия, — хрипит, тоже теряя контроль.

Его губы снова накрывают мои кусают, жадно целуют, оттягивают. Джон спускается ниже к шее, прикусывает нежную кожу, и я едва не теряю голову. Всё внутри пылает, и это сводит с ума.

Слишком горячо. Но мне мало...

Я сама расстёгиваю пуговицы на его рубашке, ловлю муж-

ское дыхание, утопаю в происходящей вакханалии. Джон скользит рукой ниже, пробираясь в трусики, и у меня перехватывает дыхание. Не от страха, боли или волнения. От желания и это так странно.

С какой стати Грей имеет надо мной и моим телом такую власть, от которой подкашиваются ноги? Разве не стоит боятся его и отталкивать?

Алкоголь? Неужели всему виной он?

Нет, я просто хочу его. Настолько, что готова на всё.

Джон ведь не обидит...

Я готова. Да, с ним я точно готова!..

Запах Джона дурманит, обещает запретное удовольствие. Каждое его прикосновение превращает кожу в пламя. А когда он проталкивает в мои складки два пальца, то я и вовсе задыхаюсь от наслаждения.

— Ты мокрая, — его голос проникает вглубь, разливаясь приятным щекотанием в груди.

— А ты капитан очевидность, — простонав, подаюсь вперёд. — Ах, Джон!..

В наказание он проталкивается глубже, распределяя влагу там. Мгновение и Грей уже погружает пальцы в моё лоно, а я задыхаюсь от новых ощущений.

Почему я не бьюсь в истерике? Наоборот, не в силах терпеть, начинаю сама двигать бёдрами, и от этого у Джона совсем сносит крышу.

— Ты меня с ума сводишь, девочка.

Сорвав лямки с моих плеч, мафиози стягивает верх платья, оголяя мою грудь. Она бесстыже вздрагивает в такт нашим движениям, но мне плевать. А когда Грей обхватывает губами сосок, оттягивая его, я не сдерживаюсь криков и стонов.

— О Боже... ещё!

В этот момент мне почему-то хочется прикоснуться к его оголённому торсу, и я делаю это. Распахнув полы рубашки, касаюсь твёрдого пресса, правда, намеренно избегаю отчётливой выпуклости брюк.

Это становится фатальной ошибкой и точкой невозврата.

— Ты кончишь только от моего члена, — вдруг заявляет Грей, вытаскивая пальцы. — Извини, малышка, но я ждал дольше положенного.

Волна разочарования накрывает с головой, и, видимо, это отражается на лице слишком явно, потому что Джон ухмыляется и смачно шлёпает по ягодице, оставляя жгущий след.

Кончишь только от моего члена.

Сделав глубокий вдох и выдох, стараюсь унять бешено колотящееся сердце и подкрадывающуюся к горлу панику.

Это Джон, Делла. Джон!

Звон пряжки звучит, как удар пощёчины в моей больной голове. Пока Грей расстёгивает брюки и спускает их вниз, я окончательно теряюсь в эмоциях.

— Подожди! — то ли крик, то ли всхлип вырывается

слишком громко. — Дай мне минуту.

Уронив голову на его плечо, жадно вдыхаю воздух, уговариваю себя: ничего страшного и плохого не случится. Нужно успокоиться.

Я делаю несколько глубоких вдохов и выдохов, выравнивая дыхание.

И в тот миг, когда почти справляюсь, перед глазами невольно всплывает лицо Алекса, а следом Селин.

Слёзы подступают мгновенно, обжигая изнутри. Вина, стыд, отвращение всё обрушивается на меня лавиной, отрезвляя сознание.

Нет...

— Я не могу... — слова давят, будто колючки в горле. — У тебя есть Селин, а у меня Алекс... Это грязно и подло. Я не хочу быть изменщицей. Не хочу быть чьей-то любовницей. Я... я не настолько низко пала.

Убрав с талии мужские ладони, я сползаю с Джона на пустое сиденье рядом. Обнимаю себя дрожащими руками и тщательно отвожу глаза, боясь сломаться окончательно.

— Что ты делаешь со мной, Адалин? — голос мафиози до ужаса хриплый. — За что мучаешь?

Я чувствую, что он смотрит. Прожигает взглядом и явно начинает меня ненавидеть, но внутри я уже ставлю жирную точку.

— Так не может продолжаться, — шепчу, прикрывая ладонями открытую грудь. — Нам нельзя больше видеться.

Глава 10

— Боюсь, сюда не получится вызвать такси. Ты сможешь, пожалуйста, отвезти меня домой? — несмотря на вселенскую боль в душе и давящий ком в горле, я пересиливаю себя и украдкой смотрю на мафиози.

Поправив одежду, мы ещё какое-то время сидим в гнетущей тишине. И только теперь я замечаю, что Джон выглядит так, будто его довели до предела. Нет, он не агрессивует, не крушит всё вокруг и именно это пугает сильнее всего.

Он просто сидит, уставившись прямо перед собой немигающим взглядом. Обычно собранный и весёлый, сейчас он кажется... разбитым.

Неужели один несостоявшийся секс способен так выбить из колеи? Или причина совсем в другом?

Может, он действительно ненавидит меня? Да, скорее всего, так. Это звучит логично и объясняет его состояние.

— Обещаю — это наша последняя встреча. Я постараюсь не попадаться тебе на глаза, — добавляю, пытаюсь унять дрожь в голосе и вложить в него мнимую уверенность.

Грей ничего не отвечает. Молча выходит наружу, но то, с какой силой он хлопает дверью, заставляет меня вздрогнуть и съёжиться, ещё сильнее вжавшись в кожаную обивку салона.

Да, он точно меня ненавидит. Наверное, так лучше... однако в груди всё равно невыносимо ноет.

Боковым зрением я замечаю, как мафиози неподвижно стоит на улице, засунув руки в карманы брюк. Его лица мне, к сожалению, не видно даже когда он обходит машину и садится за руль.

— Далеко не последняя встреча, Адалин, — произносит он так, словно говорит сам с собой, и от этого по коже пробегают холода.

Джон заводит мотор, и машина с диким рёвом срывается с места.

— В каком смысле? — справившись с волной негодования, я высокомерно вздёргиваю подбородок, ожидая ответа, но тишина затягивается. — Я задала вопрос, — голос срывается на писк, невзирая на клокочущий страх.

От Грея исходит такая густая, тёмная энергия, что, пожалуй, стоило бы забиться в угол и молчать. Но, зная себя, мне явно не хватит благоразумия.

— Мы не можем нормально общаться. И, судя по всему, контролировать себя тоже, — понятия не имею, что именно имел в виду мафиози, но дурное предчувствие подсказывает: сказано это было не просто так. Альтруист внутри меня настаивает нужно достучаться до Грея. — Лучше всего будет не пересекаться и не повторять ошибок.

— Нет, Ада. Лучше всего было бы, блять, не знать тебя вовсе, — Джон сжимает руль так, что костяшки белеют, а у

меня словно что-то трескается в глубине души.

Его слова бьют сильнее, чем любая пощёчина.

Я отворачиваюсь к окну и начинаю часто моргать, стараюсь прогнать предательские слёзы. Не хочу, чтобы он видел, как сильно задел меня. Но сдержаться не получается: горло сдавливает, и всхлип всё равно рвётся наружу. Я прижимаю ладонь к губам, стараясь заглушить рвущиеся рыдания.

Понимаю причина этого хаоса в наших жизнях я сама. Если бы тогда, на Аляске, я держала дистанцию, ничего бы не случилось.

Оставшийся путь до дома проходит в гнетущем молчании. В салоне слышно лишь моё тихое поскуливание, пока и оно не сходит на нет. Часть дороги я занимаюсь самобичеванием и мысленно проклиная себя за срыв и потерянный контроль.

В какой момент я стала тряпкой и размазнёй? Перестала держать себя в руках и поддаваться эмоциям? Мы ведь из разных миров. Я и Джон две несопоставимые части пазла, которым не суждено соединиться.

Клятва, Адалин. Помни про клятву!

Голова раскалывается, перед глазами плывёт туман. Я теряюсь в нём и не замечаю, как время ускользает. Прихожу в себя только тогда, когда пассажирская дверь открывается. Дёрнувшись, поднимаю голову и первое, что вижу, это непроницаемое лицо Грея. Ну надо же... даже после всего он продолжает вести себя галантно.

Я не удивляюсь, что он знает мой адрес, но внутри это

снова поднимает бурю злости, вперемешку с недовольством. На кого я больше злюсь на него или на себя? Чёрт пойми.

Демонстративно отодвинувшись, я придвигаюсь к противоположной двери и выхожу через неё, нарочно громко хлопнув.

Плевать, что это выглядит по-детски и глупо. Не удостоив Джона ни благодарности, ни извинения, ни прощания, я направляюсь по тротуару к подъезду.

— Не тому характер показываешь, — хлёстко звучит над ухом, и я взвизгиваю, резко оборачиваясь на ходу.

— Уезжай, пожалуйста. Я говорила предельно серьёзно: нам нельзя контактировать, — язык заплетается, голова трещит по швам, но я пытаюсь вбить в его голову эту истину.

— Проблема в том, что я не хочу с тобой общаться, Делла, — на миг мне чудится боль в его глазах.

Бред. Этого не может быть...

Я собираю остатки сил, чтобы бросить: «Не хочешь прекрасно! Тогда уезжай!» Но Джон опережает меня:

— Я тебя хочу. Всю, — властная ладонь ложится на мою шею, рывком притягивая к себе.

Истеричный смешок срывается с губ, отбросив его руку, отступаю на шаг назад, отчаянно мотая головой.

— Нет. Нет. Нет, — выставив ладонь вперёд, я боюсь, что нас кто-то может увидеть. Соседи или, не дай Бог, коллеги. — В тебе говорит неудовлетворённый мужчина. Езжай к Селин и всё пройдёт.

При упоминании шикарной блондинки к горлу подкатывает тошнота.

— Я тебя не отпускал, — мафиози хватается меня за локоть и снова дёргает. Ужас пронзает изнутри: раньше он не позволял себе такой резкости.

— Джон, умоляю, оставь меня в покое! Так не может продолжаться, — испуганно тараторю, украдкой оглядываясь по сторонам.

Но мужская пятерня ложится на мою щёку и заползает в волосы, слегка сжимая их.

— Ты перевернул мою жизнь с ног на голову. Я устала от творящегося хаоса.

— Думаешь, мне это в кайф? — сквозь зубы цедит он. — То отталкиваешь, то заигрываешь, потом снова ведёшь себя, как сука.

— У меня есть Алекс...

— Ещё хоть раз произнесёшь это имя, Богом клянусь, я убью его, Ада

Жуткие мурашки пробегают по позвоночнику. Он же шутит? Нарочно так говорит, да?

— Ты меня пугаешь. Отпусти, — я отбиваюсь изо всех сил, но всё, как об стенку горох. — Джон, пожалуйста!

Не знаю, что он видит в моих глазах, но я ощущаю жуткий страх и липкое волнение. Похоже, заметив это, Грей отцепляется.

Отшагивая с бешено колотящимся сердцем, стираю бегу-

щие из глаз слёзы.

— Умоляю тебя, никогда больше не появляйся. Я люблю его, понимаешь. Между нами... между мной и тобой это просто какое-то помутнение... Уходи, Джон...

— Если ты действительно этого хочешь, — от того, каким низким и мрачным, практически угрожающим слышится голос мафиози, внутри что-то ёкает.

— Хочу. Очень сильно! — вру, не моргнув и глазом.

Одна часть меня умоляет поддаться соблазну и остаться с Греем. Наплевать на предрассудки, клятвы, других людей и быть с ним. Другая же, вцепившись мёртвой хваткой, не позволяет этого сделать.

И я сбегая. Трясущимися руками открываю ключом дверь в подъезд, взмываю по лестнице на свой этаж и прячусь в квартире. Закрывшись на замок, я ещё долго сижу, справляясь с тахикардией. А когда решаюсь подойти к окну, то, отодвинув слегка занавеску, вижу, что на месте, где стояла машина мафиози, пусто.

Уехал.

И тогда меня накрывает. Паника, по обыкновению мерзкими щупальцами, пробирается в самую душу, сея в ней хаос. Задыхаясь, я несусь в ванную и плещу в лицо ледяной водой, но это не помогает. Сознание ускользает и это самое страшное из всех чувств на планете.

Как я могу поступать так подло с Алексом? Он заслуживает другого отношения! Взаимной любви и заботы. Рано или

поздно он устанет отдавать, ни черта не получая взамен, и бросит меня. Найдёт себе нормальную. Я должна быть той Деллой, что и раньше. Вернуть себя прежнюю: добрую, искреннюю, ту, которую полюбил доктор Харрис и восхищался ею.

— Ты должна чувствовать притяжение к Алексу, а не к Джону. А если не получается, то пытайся изо всех сил, — подняв голову, смотрю в собственное отражение в зеркале.

Я не хочу пытаться, я хочу быть собой...

Нельзя... Нельзя...

Не справившись с потоком мыслей, я хватаю запястье и подношу руку ко рту, со всей силы вонзаясь зубами в плоть. Острая боль пронзает до самого локтя, но этого недостаточно.

Я продолжаю наносить себе увечья ещё и ещё, пока челюсть не сводит, а рука перестаёт ощущаться частью тела.

В конечном итоге, упав на пол, я сворачиваюсь в позу эмбриона. Без понятия, сколько проходит времени, в себя прихожу только от вибрации сотового телефона, лежащего в сумочке. Словив минутное помутнение рассудка, я почему-то думаю, что это Джон, но, достав гаджет, вижу, что он разрывается от сообщений и звонков Лилит, моей лучшей подруги.

Поставив авиарежим, решаю ответить ей позже и иду в постель. До самого вечера я тупо пялюсь в потолок, осмысливая своё никчёмное существование.

В этот вечер я даю себе ещё одну клятву забыть Джона и сосредоточиться на жизни с Алексом. Добрым, надёжным, заботливым человеком, заменившим мне весь мир.

И я стараюсь держаться. Пытаюсь наладить всё и вернуть свою жизнь в прежнее русло.

Первым делом, на следующее же утро, я действую по чётким инструкциям и составленному ранее списку. На работе каждую свободную минутку стараюсь проводить с моим милым доктором, как и прежде. Ловлю паузы и наслаждаюсь его обществом.

Я заставляю себя выгнать Джона из головы и к вечеру искренне верю, что у меня получится, а уже после смены спешу домой и готовлю ужин при свечах на двоих, в ожидании Алекса.

В общем, я честно стараюсь. Правда, в один из моментов не удерживаюсь и гуглю про Селин Марлоу. В интернете почти ничего толкового про пассию Джона нет лишь стандартные профили на разных сайтах с упоминанием, что она работает риелтором в Нью-Йорке.

На одном ресурсе находится информация поинтереснее: указывается, что Селин несколько лет назад открыла собственное агентство, специализируется на продаже элитной недвижимости, участвует в проектах по новому строительству и имеет репутацию успешного специалиста. За свою карьеру она заключила сделки на миллионы долларов. В университете получила диплом в сфере бизнеса.

На этом мои раскопки не заканчиваются, и я лезу в Инстаграм. У такой красотки с модельной внешностью ну никак не может не быть социальных сетей и оказываюсь полностью права!

Страничка в Инстаграм у Селин выглядит так, будто она берёт от жизни всё. Её лента сплошные курорты: белоснежные пляжи, коктейли с зонтиками, яхты на фоне заката. Шикарные купальники, позы и неизменно идеальная фигура с сияющей сливочной кожей.

Я листаю вниз и чувствую, как под кожей неприятно зудит зависть.

Сначала я не вижу ни единого намёка на мужчину. Ни обрывка фотографии, ни случайного отражения словно Джона в её роскошном мире и вовсе не существует. Однако стоит пролистать чуть ниже, и взгляд падает на фотографию переплетённых рук, а под ними подпись:

«Никогда не думала, что можно так сильно любить».

Внутри всё ухает. Сердце сжимается до боли, а воздух вырывается из лёгких. Мои колени подгибаются, и я опускаюсь на стоящий рядом стул.

Этими руками он вчера ласкал меня. Меня!

Решив, что этого недостаточно, я просматриваю и закреплённые сторис, как маньячка, разглядывая каждую деталь. Я ищу Джона везде, но кроме огромных букетов больше ничего не нахожу.

Образы, как он дарит ей эти чёртовы розы, не заставляют

себя долго ждать, всплывая в фантазии. Со злостью швырнув телефон на диван, прячу лицо в ладонях, зарекаясь ещё хоть раз зайти в её проклятый профиль.

Глава 11

Суббота подкрадывается незаметно. А вместе с ней и день рождения отца Алекса. Как бы сильно внутренне я ни противилась поездке к его семье на все выходные, отказаться не смогла.

Совість не позволила.

По крайней мере этим поступком я доказываю, что она у меня вообще есть, учитывая, что я практически отдалась Грею в машине.

Без понятия, алкоголь или помутнение рассудка тому виной, но всех деталей я не помню. Яркими вспышками отрывки то и дело всплывают в памяти, но не более того.

Единственное, что железобетонно отпечаталось в сознании, мой крик. Он звучит как напоминание об ужасном позоре:

«Я ждала тебя! Сгорала изнутри! А ты... Я не хочу тебя знать!»

Боги, надеюсь, Джон не придавал этим словам значения и тупо пропустил мимо ушей.

Голос Алекса прорывается сквозь мои мысли, возвращая в реальность. Вздвогнув, поворачиваюсь к нему, сосредоточиваясь.

— Не волнуйся, детка, — парень кладёт ладонь на моё ко-

лено, слегка сжимая. — Всё будет хорошо. Ты даже не представляешь, как долго я этого ждал. Наконец-то самые важные для меня люди познакомятся.

Тепло медленно заливает грудь, заглушая стыд. О чём, а точнее о ком думаю я и он... Такая искренность, умение делиться чувствами именно этого мне в себе всегда не доставало.

Кэтскилл, город, где Алекс родился и вырос, находится в двух с половиной часах езды от Нью-Рошелла. Половину пути мы уже оставили позади, мчась по оживлённой трассе.

— А я и не волнуюсь, — солгав, раскрываю дамскую сумочку, создавая иллюзию, что занята поисками чего-то очень важного. В процессе подмечаю, что её определённо стоит почистить от лишнего хлама.

Я пытаюсь заняться чем угодно, лишь бы не думать об одном и том же, представляя, как пройдёт встреча с Харрисами.

— Просто у тебя большая семья, я к такому не привыкла.

— Я понимаю, что у вас с братом натянутые отношения, в этом и корень проблемы, — спокойно констатирует он, уверенно держась за рулём. — Но я хочу, чтобы моя семья стала и твоей тоже.

— Постараюсь быть открытой и дружелюбной, — натягиваю улыбку, демонстрируя, как планирую себя вести.

— Моя девочка, — удовлетворённо кивает Алекс, переводя внимание на дорогу, а я перестаю притворяться и снова

утыкаюсь в сумку.

Сидя рядом с парнем, хоть убейте, но сравниваю его с Джоном. Каким образом Грей смог привлечь меня? Ведь он полная противоположность Алексу: от внешности и характера до самой манеры вождения.

Если Джон управляет внедорожником, наплевав на все правила и скоростные режимы, то Харрис водит свой седан спокойно и не торопясь. Нет, мы не плетёмся, но и спидометр не показывает заоблачные цифры.

— Пообещай, что устроишь мне экскурсию! Хочу узнать, где жил мой любимый мужчина, — как и задумывалось, следуя плану под кодовым названием «Операция Харрис». Признаваясь Алексу и нарочито называя его любимым, я будто убеждаю не только его, но и себя.

— Обязательно. Сегодня отпразднуем день рождения отца, а завтра поедем кататься по окрестностям.

Дальнейшая поездка проходит за милым повествованием Алекса о детстве. Он с энтузиазмом рассказывает, как они со старшим братом Эндрю хулиганили, после чего отец наказывал их, а мать плакала, не выдерживая проделок сыночек. И даже когда родилась младшая сестра, два брата-акробата не угомонились, а сделали её главной жертвой подколов и розыгрышей, несмотря на приличную разницу в возрасте.

Со смехом Алекс говорит, что сестрёнка Кэти настоящая сорвиголова. Она достойно приняла смену и доводит родителей с тех пор, как братья выпорхнули из семейного гнезда.

Примерно через час мы пересекаем мост через Гудзон, и я на мгновение замираю. Перед глазами словно предстаёт картина именитого художника: река красиво блестит на солнце, лёгкое течение рисует на воде узоры, которые исчезают в ту же секунду. А за ней тянутся зелёные холмы, переходящие в мягкие линии гор.

Стоит нам въехать в Кэтскилл, первое, что бросается в глаза, сколько же здесь зелени! А воздух такой чистый чистый!

— Невероятно... — выдыхаю, опустив стекло, желая по-лучше разглядеть красоту вокруг и вдохнуть полной грудью. — Не думала, что недалеко от города есть такие восхитительные места.

У меня в прямом смысле этого слова перехватывает дыхание. Машина катится по узким улочкам мимо старых домиков с крылечками и вывесок маленьких магазинов. Я чувствую себя так, будто попала в другую реальность, далёкую от суеты, шума и выхлопных газов.

Если раньше мне казалось, что Нью-Рошелл на контрасте с Нью-Йорком спокойное местечко, то сейчас готова забрать свои слова назад.

К моменту, когда мы сворачиваем к дому Алекса, меня распирает какой-то странный детский восторг. Алекс паркуется на подъездной дорожке около двух одинаковых пикапов, и я догадываюсь, что они принадлежат отцу и старшему брату.

— Не уверен, что раньше видел тебя настолько счастливой, — заглушив мотор, делится он наблюдением. — Если бы знал, то давно привёз бы домой.

Домой... Ах, если бы я заранее была в курсе, что это место и его жители никогда не станут для меня пристанищем...

— Не терпится выбраться в центр и рассмотреть этот город как следует! — тараторю, на эмоциях облизывая пересохшие губы.

Как заворожённый, парень наблюдает за этим, казалось бы, обычным и безобидным движением, а затем без промедления отстёгивает ремень безопасности и тянется для поцелуя.

Первым порывом мне хочется отвернуться или прикрыть лицо, но усилием воли я заставляю себя неподвижно сидеть на месте. Мягкие губы Алекса накрывают мои, сминая их. Без прелюдий он проталкивается языком внутрь, и из меня вырывается вздох, но далеко не от возникшего желания или удовольствия.

Алекс кладёт ладонь на мой затылок, фиксируя. С каждой секундой он становится более настойчив и несдержан в своих ласках. Неловко положив руки на мужские плечи, я всё же отталкиваю его, не выдержав нарастающего напора.

— Вдруг кто-то выйдет и увидит нас, — поясняю причину, стушевавшись под тяжёлым взглядом.

Не скажу же я: «Извини, я не хочу с тобой целоваться. И вообще, я пытаюсь забыть другого».

— Ты, как всегда, права, — Алекс проводит ладонью по моей щеке в слишком нежном, чуть затянувшемся жесте, после чего выходит из салона, а я следом за ним.

Дом Харрисов оказывается именно таким, каким я и представляла «родовое гнездо» Алекса: двухэтажный, светлый, с широкой верандой и висящими на ней кашпо с цветами.

Перед крыльцом выстелен идеальный газон и красуются пышные кусты гортензий. Жаркий воздух дрожит над асфальтом, пахнет свежескошенной травой и цветами, где-то стрекочут сверчки.

— У вас очень... уютно, — немного разряжаю неловкость, повисшую в воздухе. Засунув ладони в задние карманы джинс, подхожу к Алексу, пока он вытаскивает из багажника наши дорожные сумки.

— За домом есть лес. Сколько себя помню всегда торчал там, — между делом делится он, похоже, снова погружаясь в воспоминания.

— У вас было счастливое детство, — подставив лицо под яркие лучи солнца, замуриваюсь, представляя, как Алекс, будучи маленьким светлым мальчуганом, бегал по этой лужайке.

У меня тоже оно было. Самое лучшее детство на свете, где рядом всегда находились папочка и любимый старший брат. Мне позволяли многое, но в пределах разумного. Я росла послушным ребёнком и не создавала проблем. А если шалости случались с подачи подстрекателя Артёма, папа прощал

всё на свете.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.